

ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ

Татьяна Жарикова

Оригинальный сценарий

ИНТ. КОМНАТА ДОСТОЕВСКОГО НОЧЬ

В комнате у стены на кровати под одеялом спит ФЕДОР МИХАЙЛОВИЧ ДОСТОЕВСКИЙ. Вдруг дверь в комнату осторожно открываются и в полумраке появляются какие-то люди. Достоевский резко поднимает голову, вглядывается в полутьму, слышит мягкий вкрадчивый голос:

ОФИЦЕР

Вставайте!

Достоевский всматривается в вошедших. Их трое. ОФИЦЕР, ЧАСТНЫЙ ПРИСТАВ И СОЛДАТ.

ДОСТОЕВСКИЙ

(растерянно)

Что случилось?

ОФИЦЕР

(мягко)

Господин Достоевский Федор Михайлович?

ДОСТОЕВСКИЙ

Да...

ОФИЦЕР

По повелению его императорского величества вы арестуетесь... Нам предписано произвести у Вас обыск и доставить Вас в Третье отделение...

ДОСТОЕВСКИЙ

(бормочет растерянно, приподнимаясь на постели)

Позвольте же мне...

ОФИЦЕР

Одевайтесь, одевайтесь. Мы подождем...

Частный пристав, крупный человек с пышными бакенбардами, зажигает свечу. Становится светлее. Достоевский поспешно одевается. Пристав указывает солдату на печь.

ПРИСТАВ

Начинай оттуда...

Солдат берет табурет, подставляет его к печи, брякая саблей, влезает на него, ухватывается за грядущку печи

рукой, опирается носком сапога о край гарнушки и заглядывает на печь.

Пристав открывает книжный шкаф и начинает выкладывать из него на пол книги.

Достоевский торопливо одевается, стыдясь нижнего белья.

Офицер отворачивается от него, подходит к письменному столу, где лежат книги, стопка чистой бумаги, начатая рукопись, берет наполовину исписанный листок, подносит к своему лицу, читает вслух.

ОФИЦЕР

Но мне стало так грустно от ее внимания, так тяжело от ее ласок, так мучительно было смотреть на нее, что я попросила наконец оставить меня одну.

(спрашивает с улыбкой у Достоевского).

Продолжение «Неточки Незвановой»?

ДОСТОЕВСКИЙ

(суетливо путаясь ногой в штанине)

Да.

Солдат вдруг падает с печи спиной на табуретку, потом вместе с ней на пол, под ноги к Достоевскому.

Федор Михайлович отскакивает, от неожиданности спотыкается, чуть не падает.

ПРИСТАВ

(сердито и грубо рывкает на солдата)

Мать твою... Растяпа!

Солдат виновато морщится, потирая ушибленный бок, поднимается с пола.

ПРИСТАВ

Ну что там?

СОЛДАТ

(виновато)

Ничего...

ОФИЦЕР

(Достоевскому учтиво и
с прежней улыбкой)

Позвольте узнать, сколько
частей будет в романе?

ДОСТОЕВСКИЙ

(заканчивая одеваться)

Шесть.

ОФИЦЕР

Видел я первую часть в
«Отечественных записках»...
Прочсть не успел, дела...
Думал, выйдет весь роман,
разом прочту. А «Белые ночи»
читал, «Хозяйку» тоже... с
душой написаны. Напрасно
господин Белинский ругал
повесть, напрасно...
Позвольте письма Ваши?

ДОСТОЕВСКИЙ

Там, в столе...

Достоевский смотрит, как пристав шарит его чубуком в
печке, в золе.

Офицер выдвигает ящик стола и начинает выкладывать
письма. Нечаянно сталкивает со стола старый погнутый
пятиалтынный.

Пятак глухо звякает о деревянный пол, подпрыгивает и
катится по полу.

Солдат быстро поднимает его. Пристав выхватывает из рук
солдата пятак и разглядывает его возле свечи.

ДОСТОЕВСКИЙ

(с усмешкой)

Уж не фальшивый ли?

ПРИСТАВ

(прячет пятак в карман)

Это, однако же, надо
исследовать...

Офицер складывает на столе письма, бумаги Достоевского,
рукопись неоконченного романа в стопки и приказывает
солдату:

ОФИЦЕР

Свяжи!

ИНТ. КАБИНЕТ В КВАРТИРЕ ПЕТРАШЕВСКОГО НОЧЬ

МИХАИЛ ВАСИЛЬЕВИЧ ПЕТРАШЕВСКИЙ, один, в домашнем халате неспешно ходит по кабинету, обдумывая что-то, быстро подходит к столу, стоя, записывает что-то и снова тихонько шагает по полу.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Публика наша в настоящее время привязана к беллетристическому роду литературы. Отстав от чтения стихов, она сделала большой шаг в общем прогрессе...

ИНТ. ЗАЛ В КВАРТИРЕ ПЕТРАШЕВСКОГО ВЕЧЕР, ВОСПОМИНАНИЕ

За столом, держа руку на колокольчике, сидит СПЕШНЕВ, рядом с ним поручик МОМБЕЛЛИ. В разных местах кабинета, сидя на стульях и диване и стоя, расположились члены кружка Петрашевского: студент ФИЛИППОВ, поручик ГРИГОРЬЕВ, купец ЧЕРНОСВИТОВ, поэты ПЛЕЩЕЕВ, ДУРОВ И МАЙКОВ, Достоевский. Петрашевский стоит сбоку от стола и выступает.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Нашим сочинителям недостает образования. Всякий со школьной скамьи уже воображает себя великим писателем. В литературе нашей преобладает только дух спекулятивности, а не желание передавать своим читателям истину, идеи, хотя бы немного человеческие. Журналистика на Западе имеет такой вес потому, что всякий журнал там отголосок какого-нибудь отдельного слоя общества. На Западе журнал не спекуляция какого-нибудь одного лица, но орган передачи всех идей и всех мыслей целого общества, содержащего этот журнал на акциях. И нам нужен такой журнал, чтоб распространять наши мысли в обществе...

МАЙКОВ

А цензура? Забыли о цензуре?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Цензура не будет мешать.
 Цензорам надо представить
 истину в таком виде, чтобы
 они эту истину не могли бы
 принять за что-нибудь другое,
 кроме как за истину. И тогда
 цензоры не будут
 препятствовать.

МАЙКОВ

Журнал на акциях – химера. И
 на цензора действовать
 убеждением глупо, не выйдет
 толка. Надо, наоборот, вокруг
 пальца цензоров обводить,
 чтоб хоть одна идея
 проскочила, а лучше всего
 редактору журнала быть в
 дружбе с цензорами и
 властями, тогда, какую бы
 статью он не захотел
 поместить, всякую пропустят.

ФИЛИППОВ

(горячо)

С кем его создавать, журнал-
 то! Все сочинители люди
 тривиальные, убивающие время
 в безделье и гордящиеся
 своими доблестями больше
 какого-нибудь петуха. Хоть,
 например, тот же Майков или
 Дуров посещают наши собрания
 уже три года, могли бы,
 кажется, пользоваться книгами
 Петрашевского и хоть
 наслышкой образоваться, но
 они не читали ни одной
 порядочной книги, ни Фурье,
 ни Прудона, ни даже
 Гельвециуса.

МОМБЕЛЛИ

Не надо бранить литераторов,
 которые принадлежат к нашему
 обществу. Их большая заслуга,
 что они разделяют наши идеи.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я убежден, журнал нам
 необходим. Нужно начинать
 вести пропаганду через
 печать. Пора приспела.

Раздается звонок дверного колокольчика.

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

ИНТ. КАБИНЕТ В КВАРТИРЕ ПЕТРАШЕВСКОГО НОЧЬ

Петрашевский, один, останавливается посреди кабинета, слушает звонок дверного колокольчика. Михаил Васильевич недовольно морщится, бормочет.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Поздновато кто-то явился.

Он выходит в коридор, открывает дверь и видит на лестничной площадке управляющего Третьим отделением генерала ЛЕОНТИЯ ВАСИЛЬЕВИЧА ДУБЕЛЬТА с офицером в голубом и двумя жандармами.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(раскидывая руки, как для объятья)

Ба, Леонтий Васильевич!
Собственной персоной!.. Что же вы так поздновато...

(укоризненно, отходя вглубь коридора, чтобы пропустить жандармов).

Часика бы на три пораньше... Гости были. Я ведь, как вам известно, по пятницам принимаю...

ДУБЕЛЬТ

(входя в зал впереди своих спутников, строго)

Господин Петрашевский?
Одевайтесь!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

По-моему я одет. Ночью я иначе не одеваюсь!

ДУБЕЛЬТ

Вы не знаете куда Вас повезут...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Догадываюсь...

ДУБЕЛЬТ

И перед кем предстанете.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(с наигранным испугом
поднимает глаза к
потолку)

Неужто перед самим...

ДУБЕЛЬТ

Не поясничайте... Прошу
одеваться!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Тогда надо... тороплюсь...

Петрашевский уходит из зала в комнату.

ДУБЕЛЬТ

Обыскать!.. Все бумаги,
письма, книги связать!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(из комнаты, насмешливо)

Леонтий Васильевич, не смогут
жандармы приказ Ваш
выполнить! Книг у меня
столько, что бечевки не
хватит.

ДУБЕЛЬТ

Мы знали куда ехали.
Запаслись!

НАТ. ПЕТЕРБУРГСКАЯ УЛИЦА УТРО

У подъезда жилого дома стоит карета. Кучер, дремавший
на облучке, слышит шаги, стук двери, поднимает голову и
начинает справлять вожжи.

Из подъезда выходят Дубельт, Петрашевский в широкополой
до нелепости шляпе, офицер и жандармы с пачками бумаг.
Петрашевский опережает Дубельта, распахивает дверцу
кареты и уверенно бросает кучеру.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

На Фонтанку! К Цепному мосту.

Петрашевский пытается первым влезть в карету, но офицер
задерживает его за локоть и пропускает вперед жандарма
с двумя пачками бумаг.

ОФИЦЕР

Не торопись!

ИНТ. ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ УТРО

В большом зале Третьего отделения многолюдно. Здесь все вчерашние гости Петрашевского: Спешнев, Черносвитов, Плещеев и другие. Между ними господа в голубых мундирах.

У окна группа вокруг невысокого ЛЫСОГО ЧИНОВНИКА с листком в руке. В этой группе Достоевский и Момбелли.

Входят Дубельт, Петрашевский и офицер.

Момбелли смотрит на вошедших и энергичным взмахом руки зовет к себе Петрашевского.

Достоевский тоже машет рукой, просит подойти к их группе Петрашевского.

Петрашевский снимает свою широкополую шляпу и кланяется всем.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Недосуг мне, господа... Спать
хочется зверски, вздремну
малость.

Он садится в кресло и закрывает себе шляпой глаза.

Достоевский и Момбелли смотрят в листок, который держит в руках лысый чиновник. Это список арестованных. Первым значится имя АНТОНЕЛЛИ. Напротив его имени четко написано: Агент по найденному делу.

МОМБЕЛЛИ

(Достоевскому)

Иди, скажи Петрашевскому, что
шпион среди нас не
Черносвитов, а Антонелли.

Голубые мундиры вдруг начинают суетиться, отводят арестованных друг от друга и замирают.

В зал входит шеф жандармов граф ОРЛОВ. Вслед за ним несколько офицеров, сверкая эполетами с золотым и серебряным шитьем. Орлов останавливается. Лысый чиновник со списком суетливо подскакивает к нему.

ОРЛОВ

Сколько всего арестовано?

ЛЫСЫЙ ЧИНОВНИК

Тридцать четыре, Ваше
сиятельство

Граф Орлов берет из руки чиновника список и делает два шага вперед.

ОРЛОВ

(сердито и строго)

Изволили, господа,
незаконными делами
заниматься?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(громко в тишине)

Вот тебе, бабушка, и Юрьев
день!

Все разом поворачиваются к нему. Раздается из толпы короткий смешок.

Михаил Васильевич пальцем сдвигает шляпу со своих глаз на затылок и по-прежнему сидит в кресле, невинно глядит на графа Орлова.

ОРЛОВ

(резко)

Встать!

Один из жандармов бросается к Петрашевскому, хватая его за рукав, но Михаил Васильевич отталкивает его и поднимается сам.

ОРЛОВ

Кто такой?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Титулярный советник Михаил
Васильевич сын Буташевич-
Петрашевский.

ОРЛОВ

А-а, главный возмутитель?!
Что Вы сейчас имели в виду?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Вы о Юрьеве дне?... Сегодня
же двадцать третье апреля,
Юрьев день... Это я имел в
виду...

ОРЛОВ

(всем, без пафоса)

Специальная комиссия
произведет строжайшее
расследование всех поступков
и намерений арестованных, и

по каждому из вас примет
определенное решение.

ИНТ. ТРЕТЬЕ ОТДЕЛЕНИЕ КАБИНЕТ ДУБЕЛЬТА УТРО

Входит жандарм, за ним Федор Михайлович Достоевский.

ДУБЕЛЬТ
(указывая рукой на
стул)
Достоевский?

Федор Михайлович осторожно садится, опускается в кресло.

Генерал наблюдает за ним с улыбкой, потом говорит с ноткой сожаления в голосе.

ДУБЕЛЬТ
В числе прочих, Вам хорошо
известных лиц Вы арестованы
как соучастник преступных
намерений, направленных
против могущества и
спокойствия Российского
государства. Следствие
обнаружит во всей полноте
степень Вашего участия в сих
намерениях, теперь же мы
вынуждены препроводить Вас
для заключения в крепость...
(жандарму)
Поручик, арестованного
препроводить в
Петропавловскую крепость.

Федор Михайлович молча поднимается. Встает и Дубельт.

ДУБЕЛЬТ
Сожалею, что и Вы, господин
Достоевский, среди этих...
прочих... Сожалею... А могли
бы послужить достойным
образом отечественному
просвещению...

ДОСТОЕВСКИЙ
(вспыхивая)
Служил и служу... Как могу и
нахожу нужным...

ДУБЕЛЬТ
Нужным-с? Для кого же это
нужно? Впрочем, я еще буду

иметь возможность услышать от Вас объяснения насчет ваших нужных поступков... Извольте следовать с поручиком...

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА НОМЕР ОДИН
АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА ДЕНЬ

Михаил Васильевич Петрашевский в старом арестантском халате, больших туфлях без задников, посвистывая, бродит по камере, разглядывает стены, койку с ветхим матрацем, стол, зарешеченное окно с покрашенными нижними стеклами, вентилятор. Подходит к окну, трогает пальцем отставшую от стены окраску, висевшую лоскутами. Слышит голоса за дверь, поднимает голову, прислушается. Шаги в коридоре замирают возле двери его камеры. Позвякивание ключей доносится, потом ключ заскребся в двери, звякает засов.

Первым входит комендант крепости НАБОКОВ, толстый пожилой человек в генеральском мундире, за ним высокий одноглазый старик, ПОДПОЛКОВНИК, и бородатый НАДЗИРАТЕЛЬ.

НАБОКОВ

Как устроились? Все ли имеете? Я комендант крепости!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(недовольно и
раздраженно)

Как это все? Ничего я не имею! Чем Вы гостей уважаемых встречаете? Сами видите,

(указывает он рукой на
стол),

пустота! Где «мадера», спрашивается? А рябчик? Учтите, я люблю поджаристый, с корочкой!.. И насчет самоварчика похлопочите... пастилы, варенья крымского не забудьте!

Толстый генерал смотрит на Петрашевского изумленно, даже чуточку рот приоткрывает.

НАБОКОВ

Шутить извольте...

Генерал поворачивается и вместе со свитой выходит из камеры.

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ДОСТОЕВСКОГО ДЕНЬ

Достоевского бьет озноб. Он, сторбившись, прижав руки к груди, бродит по камере, тихонько постанывает.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Неужели все! Неужели та
голова, которая создавала,
жила высшею жизнью искусства...

ИНТ. КОМНАТА ДОСТОЕВСКОГО НОЧЬ, ВОСПОМИНАНИЕ

Солдат, стоя перед столом, перетягивает рукописи Достоевского бечевкой.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

...неужели та голова срезана с
плеч моих? Неужели никогда я
не возьму пера в руки?..

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ДОСТОЕВСКОГО ДЕНЬ

Достоевский бродит по камере.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

...Осталась память и образы,
созданные и еще не
воплощенные мной. Они
изъязвят меня...

Вдруг дверь в камеру открывается и входят сердитый толстый САНЧО ПАНСА и одноглазый ДОН КИХОТ. Санчо Панса в генеральском мундире, а Дон Кихот – подполковник. Дон Кихот жмет за спину своего слуги, который сердит, пыжится, выпячивает живот.

САНЧО ПАНСА

Я – комендант крепости!

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Ну-да, он комендант. Он очень
хотел быть губернатором... Но
он комендант...

САНЧО ПАНСА

Как устроились? Все ли
благополучно?

ДОСТОЕВСКИЙ
(бормочет)

Зябко...

САНЧО ПАНСА
(Дон Кихоту)

Немедленно затопите печи,
чтоб больше на холод не
жаловались!

Санчо Панса и молчаливый Дон Кихот исчезают за дверью.

Достоевский садится на кровать, сжимает голову руками.
Потом ложиться, закутывается в халат.

ДОСТОЕВСКИЙ
(за кадром)

Что ждет меня впереди?..
Тюрьма, ссылка, одиночество,
нищета, бесприютное
пребывание среди чужих и
неведомых мне людей, вдали от
братьев и друзей – надолго
ли? И где именно? В каких
заброшенных людьми местах, в
холоде и голоде? И как это
все я вынесу?.. Скорей бы!
Скорей узнать все, во всех
подробностях... Когда же
будет допрос?.. Неужели я
никогда не возьму пера в
руки? Боже мой! Сколько
образов, выжитых, созданных
мною, погибнет, угаснет в
моей голове или отравой в
голове разольется! Да если
нельзя будет писать, я
погибну. Лучше пятнадцать лет
заклЮчения и перо в руках...

НАТ. ДВОР АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА ДЕНЬ

Солдат с ружьем, скучая, стоит у входа.

Петрашевский неспешно гуляет по дорожке двора, видит в
траве лоскут отлипшей от стены краски, взглядывает на
солдата. Тот не обращает на него внимания. Петрашевский
поднимает лоскут краски, вертит его в руке и
выбрасывает в траву.

НАТ. ДВОР АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА ДЕНЬ

Солдат с ружьем, скучая, стоит у входа.

Достоевский неспешно гуляет по дорожке двора, наклоняется, срывает пучок молодой травы, нюхает ее, взглядывает на солдата. Тот не обращает на него внимания. Достоевский кладет пучок травы в карман.

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

За длинным столом сидят пятеро членов Следственной комиссии: управляющий Третьим отделением генерал Леонтий Васильевич Дубельт, комендант Петропавловской крепости генерал-адъютант Иван Андреевич Набоков, член Государственного совета князь ПАВЕЛ ПАВЛОВИЧ ГАГАРИН и ещё двое в военной форме. В стороне от них за отдельным столом – писарь.

Федор Михайлович Достоевский сидит напротив них.

ДУБЕЛЬТ

Вы обвиняетесь в соучастии в тайном обществе господина Буташевича-Петрашевского, которого главной целью было ниспровержение существующего порядка в государстве, пагубные намеренья относительно самой особы всемилостивейшего государя императора и заменение общественного устройства другим на основании социальных идей. К чему принято было приготовление умов распространением этих идей в России. На вопросы наши следует отвечать искренне... Давно Вы знакомы с Петрашевским?

ДОСТОЕВСКИЙ

Ровно три года. Я увидел его в первый раз весной сорок шестого года.

ДУБЕЛЬТ

Что Вас побудило познакомиться с Петрашевским?

ДОСТОЕВСКИЙ

Знакомство наше было случайное. Я был, если не ошибаюсь, вместе с Плещеевым в кондитерской у полицейского моста и читал газеты...

ИНТ. КОНДИТЕРСКАЯ ДЕНЬ, ВОСПОМИНАНИЕ

За столиком у окна сидят Достоевский и Плещеев. Оба читают газеты. Плещеев откладывает газету, поднимается из-за стола и направляется к прилавку, где стоит странный господин с неряшливой бородой, в странной необычно широкополой шляпе и широчайшем плаще.

Достоевский мельком взглядывает в их сторону и снова утыкается в газету. Потом смотрит на Плещеева и его собеседника: они обсуждают что-то горячо. Достоевский откладывает газету и направляется к выходу, бросив Плещееву.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я пошел!

ПЛЕЩЕЕВ

Сейчас догоню!

НАТ. УЛИЦА У ВХОДА В КОНДИТЕРСКУЮ ДЕНЬ

Из кондитерской выходит Достоевский. Следом за ним – Петрашевский.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Какая идея Вашей будущей повести, позвольте спросить?

ДОСТОЕВСКИЙ

(растерянно
оборачиваясь)

А Вы собственно...

Простите...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я на днях прочитал Вашу повесть... Убедительно хорошо!..

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

Члены Комиссии слушают Достоевского.

ДОСТОЕВСКИЙ

Подоспевший Плещеев разъяснил мое недоумение. Таким образом, Петрашевский с первого раза завлек мое любопытство. Мне показался он очень оригинальным человеком, но не пустым; я заметил его

начитанность, знания. Но пошел я к нему в первый раз около поста сорок седьмого года.

ДУБЕЛЬТ

Часто Вы посещали вечера его?

ДОСТОЕВСКИЙ

В первые два года знакомства я бывал у Петрашевского очень редко. Иногда не бывал по три месяца. В последнюю же зиму стал ходить чаще...

ДУБЕЛЬТ

Сколько бывало людей на вечерах?

ДОСТОЕВСКИЙ

Десять, пятнадцать и даже иногда до двадцати пяти человек.

ДУБЕЛЬТ

Охарактеризуйте нам Петрашевского как человека вообще и как политического человека в особенности?

Федор Михайлович склонил голову.

ДОСТОЕВСКОГО

(за кадром)

Антонелли теперь всё донёс. Всё они знают о Петрашевском.

Достоевский поднимает голову.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я никогда не был в очень коротких отношениях с Петрашевским, но мне бывало любопытно ходить на его пятницы. Меня всегда поражали эксцентричность и страстность в его характере.

ГАГАРИН

О чем вы беседовали, когда были наедине?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я думаю, что за все время нашего знакомства мы никогда не оставались вместе одни, глаз на глаз... Я слышал несколько раз мнение, что у Петрашевского больше ума, чем благоразумия. Действительно очень трудно было объяснить многие из его странностей.

ДУБЕЛЬТ

Поясните. Что вас удивляло?

ДОСТОЕВСКИЙ

Нередко при встрече с ним на улице спросишь: куда он и зачем? — и он ответит какую-нибудь такую странность, расскажет такой странный план, который он шел только что исполнить, что не знаешь, что подумать о плане и о самом Петрашевском. Из-за такого дела, которое нуля не стоит, он иногда хлопочет так, как будто дело идет обо всем его имени. Другой раз спешит куда-нибудь на полчаса кончить маленькое дельце, а кончить это маленькое дельце можно разве только в два года. Человек он вечно суетящийся и движущийся, вечно чем-нибудь занят. Читает много, уважает систему Фурье и изучил ее в подробности. Кроме того, особенно занимается законоведением. Вот все, что я знаю о нем как о частном лице.

НАБОКОВ

А о политическом?

ДОСТОЕВСКИЙ

А как политический человек, трудно сказать, чтоб Петрашевский имел какую-нибудь определенную систему в суждении, какой-нибудь определенный взгляд на политические события. Я заметил в нем

последовательность только одной системе: да и то не его, а Фурье... Мне кажется, что именно Фурье и мешает ему смотреть самобытным взглядом на вещи. Впрочем, могу утвердительно сказать, что Петрашевский слишком далек от идеи немедленного применения системы Фурье к нашему общественному быту. В этом я всегда был уверен...

ДУБЕЛЬТ

Что представляло собой общество Петрашевского? Не было ли у него какой тайной, скрытой цели?

ДОСТОЕВСКИЙ

Ходили к Петрашевскому обычно его приятели и знакомые. И среди них не было ни малейшей целостности, ни малейшего единства, ни в мыслях, ни в направлении мыслей. Казалось, это был спор, который начался один раз с тем, чтоб никогда не кончиться. Без споров у Петрашевского было бы чрезвычайно скучно, потому что одни споры и противоречия и могли соединять разнохарактерных людей.

ГАГАРИН

О чем были споры?

ДОСТОЕВСКИЙ

Говорилось обо всем и ни о чем исключительно, и говорилось так, как говорится в каждом кружке, собравшемся случайно. Я говорю это утвердительно, рассуждая так: что если бы и был кто-нибудь желающий участвовать в политическом собрании, в тайном обществе, в клубе, то он не принял бы за тайное общество вечеров Петрашевского, где была одна только болтовня, иногда резкая, оттого что хозяин

ручался, что она
приятельская, семейная, и где
вместо всего регламента и
всех гарантий был один только
колокольчик, в который
звонили, чтобы потребовать
кому-нибудь слова.

ДУБЕЛЬТ

Нам известно, что в собрании
у Петрашевского 11 марта,
Толь говорил речь о
происхождении религии,
доказывая, между прочим, что
она не только не нужна в
социальном смысле, но даже
вредна. Сделайте об этом
объяснение!

ДОСТОЕВСКИЙ

Я слышал об речи Толя от
Филиппова, который сказал
мне, что он на нее возражал.
Самого же меня в этот вечер у
Петрашевского не было.

ДУБЕЛЬТ

В собрании у Петрашевского 25
марта говорено было о том,
каким образом должно
восстанавливать
подведомственные лица против
власти. Дуров утверждал, что
всякому должно показывать зло
в его начале, то есть в
законе и государстве.
Напротив Берестов, Филиппов и
Баласогло говорили, что
должно вооружать подчиненных
против ближайшей власти и
переходя, таким образом, от
низших к высшим, как бы
ощупью, довести до начала
зла. Подтверждаете ли Вы это?

ДОСТОЕВСКИЙ

И в тот раз меня у
Петрашевского не было.

ДУБЕЛЬТ

Нам известно, что 15 апреля
Вы читали переписку
Белинского с Гоголем.

Объясните Выши отношения с
покойным критиком Белинским?

Федор Михайлович опускает голову, задумывается.
Комиссия ждет.

НАБОКОВ

Мы ждем вашего ответа:
объясните Ваши отношения с
покойным критиком Белинским?

ДОСТОЕВСКИЙ

Да, я некоторое время был
знаком с Белинским довольно
коротко. Это был превосходный
человек, как человек. Но
болезнь ожесточила,
очерстила его душу и залила
желчью его сердце, явилось
самолюбие, крайне
раздражительное и обидчивое.
И вот в таком состоянии он
написал письмо свое Гоголю...

ГАГАРИН

Вы разделяли взгляды
Белинского?

ДОСТОЕВСКИЙ

В литературном мире известно
многим о моей ссоре и
окончательном разрыве с
Белинским в последний год его
жизни. Известна также и
причина нашей размолвки: она
произошла из-за идей о
литературе. Я упрекал
Белинского, что он силится
дать ей частное, недостойное
назначение, низведя ее
единственно до описания, если
можно так выразиться, одних
газетных фактов. Белинский
рассердился на меня, и
наконец, от охлаждения мы
перешли к формальной ссоре, и
не виделись весь последний
год его жизни...

НАБОКОВ

Почему же Вы тогда читали
письмо человека, взгляды
которого не разделяли?

ДОСТОЕВСКИЙ

В моих глазах эта переписка –
довольно замечательный
литературный памятник. И
Белинский, и Гоголь – лица
очень замечательные.
Отношения их между собой
весьма любопытны, тем более
для меня, который был знаком
с Белинским... Я давно желал
прочесть эти письма.
Петрашевский случайно увидел
в моих руках, спросил: «что
такое?» – и я, не имея
времени показать ему эти
письма тотчас, обещал их
привезти к нему в пятницу...

ИНТ. ЗАЛ В КВАРТИРЕ ПЕТРАШЕВСКОГО ВЕЧЕР, ВОСПОМИНАНИЕ

За столом – Спешнев, рядом с ним Достоевский читает
письмо Белинского Гоголю. В разных местах кабинета,
сидя на стульях и диване и стоя, расположились члены
кружка Петрашевского: студент Филиппов стоит у книжного
шкафа с открытой книгой, но с восторгом слушает
Достоевского, поручик Григорьев, купец Чероносвитов,
поэты Плещеев, Дуров и Майков, Момбелли, Петрашевский,
ГОЛОВИНСКИЙ и др.

ДОСТОЕВСКИЙ

Россия видит свое спасение не
в мистицизме, не в аскетизме,
не в пиэтизме, а в успехе
цивилизации, просвещения,
гуманности. Ей нужны не
проповеди (довольно она
слышала их), не молитвы
(довольно она твердила их), а
пробуждение в народе чувства
собственного достоинства,
столько веков потерянного в
грязи и навозе.

ФИЛИППОВ

(восторженно
воскликает)

Вот это верно! Это совершенно
так!

СПЕШНЕВ

Тише ты! Дай послушать!

ДОСТОЕВСКИЙ

(читает)

Самые живые, современные
национальные вопросы в России
теперь: уничтожение
крепостного права...

ФИЛИППОВ

Нет, ты скажи!

ЧЕРНОСВИТОВ

Отто-так!

МОМБЕЛЛИ

(вскакивая)

Вот! Вот она сердцевина!

Все начинают возбужденно переговариваться. Спешнев поднимает колокольчик и звонит, пока не устанавливается тишина.

ДОСТОЕВСКИЙ

(читает)

А Ваше понятие о национальном
русском суде и расправе,
идеал которого Вы нашли в
словах глупой бабы в повести
Пушкина, и по разуму которой
должно пороть и правого и
виноватого? Да это и так у
нас делается зачастую, хотя
чаще всего порют только
правого, если ему нечем
откупиться...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(Момбелли)

Вот где сердцевина всего!

СПЕШНЕВ

(звонит в колокольчик)

Господа! Так мы письмо до
рассвета не дочитаем!

ДОСТОЕВСКИЙ

...то теперь Вам должно с
искренним смирением отречься
от последней Вашей книги и
тяжкий грех ее издания в свет
искупить новыми творениями,
которые напоминали бы Ваши
прежние.

Федор Михайлович, дочитав, опускает руку с листом и садиться за стол рядом со Спешневым. Все начинают шевелиться, переговариваться.

ЧЕРНОСВИТОВ

Отто-так!

МОМБЕЛЛИ

(горячо)

Господа! Белинский правильно сказал, что в настоящее время всех передовых людей занимают три вопроса: освобождение крестьян, улучшение судопроизводства и утверждение полной гласности, отмена цензуры. Я считаю, что самый важный вопрос, что идеей каждого должно быть освобождение крестьян. Как можно достичь этого? Правительство не может этого сделать, потому что освободить без земель нельзя. Восстание крестьян неизбежно. Они достаточно сознают тягость своего положения, и мы обязаны способствовать скорейшему возникновению бунта. Только с помощью бунта можно освободить крестьян.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я не могу согласиться с тобой. По моему мнению, вопрос первой важности есть вопрос о судопроизводстве, по двум основаниям. Во-первых, вопрос об освобождении крестьян касается только двенадцати миллионов крепостных... А улучшение судопроизводства касается всех сословий, ибо потребность справедливости, суда правого, есть общая потребность: а при настоящем судопроизводстве с закрытыми дверями оно не достигает цели...

МОМБЕЛЛИ

Не статистика, не цифры определяют потребность

народа. Они определяются
наибольшею справедливостью,
вот мерило потребности!
Справедливость нарушается
существованием крепостного
сословия; не имеющего никаких
юридических прав, а потому
вопрос первой важности есть
освобождение крестьян.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я не кончил... И второе
основание то, что настоящее
экономическое положение
страны не выиграет при
освобождении крестьян. Оно
может повлечь за собой
столкновение сословий. Бунт
гибелен, как сам по себе, так
и по своим последствиям.
Улучшение же судопроизводства
представляет обществу
необходимые права, и тем
содействует его развитию, его
движению вперед.

МОМБЕЛЛИ

Допускаю действительность
твоих опасений и полагаю, что
они устраняются временной
диктатурой.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(запальчиво)

Я против любого диктатора! Я
первый бы поднял на него
руку!

СПЕШНЕВ

Но есть иная диктатура!
Диктатура угнетенных!

Черносвитов внимательно смотрит на Спешнева,
прищурившись.

Достоевский перехватывает его взгляд и опускает глаза.

ЧЕРНОСВИТОВ

Беда нам, русским. К палке мы
очень привыкли. Она нам
нипочем.

СПЕШНЕВ

Палка-то о двух концах.

ЧЕРНОСВИТОВ

Это так! Да другого-то конца
мы сыскать не умеем.

СПЕШНЕВ

Ничего, същем!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

До всего можно дойти путем
закона, путем реформ. Реформы
судопроизводства не следует
требовать! Нужно
всеподданнейше просить об
этом. Правительство и
отказавши, и удовлетворивши
просьбу, поставит себя в
худшее положение. Отказавши,
вооружит людей против себя, а
идея наша будет идти вперед.
Исполнивши просьбу, оно
ослабит себя и даст
возможность требовать другие
реформы, и снова наша идея
идет вперед.

ФИЛИППОВ

Только всеподданнейшими
просьбами мы не уйдем вперед!
Нужно действовать!

ДОСТОЕВСКИЙ

(шепотом Спешневу)

Николай Александрович, вы
поосторожней с Черносвитовым.
Мне кажется, Черносвитов
просто шпион. Слишком он
остро говорит всегда...

СПЕШНЕВ

(улыбаясь)

Бросьте Вы, все Вам шпионы
мерещатся. Насмотрелся
человек на мерзость
самодержавную, вот и
говорит...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(Филиппову)

Я и предлагаю действие! Не
поднимать же восстания, когда
общество не готово к нему.
Нельзя предпринимать
восстания, не будучи впредь

уверенным в совершенном успехе.

МОМБЕЛЛИ

Это верно! Надо усиливать пропаганду! Невежество нашего царя-богдыхана и его министров не дает надежды ни на какие нововведения. Прежде надо изменить правление, нужна конституция, которая дала бы свободу крестьянам, открытое судопроизводство, свободу книгопечатания. Надо нам стараться производить переворот убеждением. Я уверен, что все зависит от народа, без него мы не продвинемся, не уйдем вперед. Надо нам сблизиться с народом! Для этого искать встречи с простыми людьми, говорить с ними...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Только с народом мы перемены подготовим. Первое с чего нужно начать – это распространять наши взгляды в своем кругу. Надо перетягивать на свою сторону людей разных сословий, людей специальных познаний: ученых, архитекторов, ремесленников, писателей, военных, взять в свои руки университет, лицей, военные училища и гимназии. Для этого все мы должны вести жизнь деятельную, составлять кружки и действовать не по случаю, а систематически.

МОМБЕЛЛИ

Господа! Прошу внимания! Кто из вас скажет, что это такое?

На ладони поручика лежит кусочек неопределенного вещества, в составе которого заметна солома, мякина, какая-то шелуха.

Филиппов берет двумя пальцами кусочек, вертит его, нюхает, потом, брезгливо морщась, возвращает кусочек поручику.

ФИЛИППОВ

Это же конский помет! Мы о
серьезном судачим, а ему лишь
бы шутки шутить!

МОМБЕЛЛИ

Нет, господа, это не шутки!
Это навоз — хлеб! Этим хлебом
питаются крестьяне Витебской
губернии. В его составе вовсе
нет муки. Одна мякина,
солома, да какая-то трава...
Хоть я и противник всякого
физического наказания, но
желал бы чадолюбивого
императора на несколько дней
посадить на пищу витебского
крестьянина...

Достоевский потихоньку поднимается и подходит к
Петрашевскому.

Черносвитов тут же пересаживается на место Достоевского
к Спешневу.

ДОСТОЕВСКИЙ

Михаил Васильевич, не пора ли
чаю подать?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Сейчас скажу...

ЧЕРНОСВИТОВ

(Спешневу)

Вы, видимо, знаете — я
человек приезжий. Живу в
Сибири. В Петербурге
ненадолго... Меня вот что
интересует, Николай
Александрович. Не верится
мне, что в России нет тайного
общества. Пожары 1848 года!
Отчего? Бунты в низовых
губерниях. Не существует ли в
Петербурге тайного общества?
Нет ли его в гвардии?

СПЕШНЕВ

О гвардии я судить не берусь?

ЧЕРНОСВИТОВ

А в Петербурге?

СПЕШНЕВ

(с улыбкой)

Рафаил Александрович, разве можно назвать общество тайным, если оно явное для всех?

ЧЕРНОСВИТОВ

(смеясь)

Понимаю, понимаю. Простите за назойливость!

Черносвитов поднимается, сильно хромя, идет к книжному шкафу, достает одну книгу и открывает. К нему подходит Петрашевский.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Интересуетесь?

ЧЕРНОСВИТОВ

Хотелось бы посмотреть, пока время есть. У Вас, говорят, можно брать с собой?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Это можно.

ЧЕРНОСВИТОВ

А какая цель у ваших собраний?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Пропаганда социальных идей.

ЧЕРНОСВИТОВ

Идея — хорошо, но надо делать. Ведь есть, видимо, тайное общество?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Нет никакого общества...

ЧЕРНОСВИТОВ

Меня-то бы мог принять в тайное общество.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я враг всяких тайных обществ.

ЧЕРНОСВИТОВ

Но, Михаил Васильевич, действуя таким образом, не принося никакой пользы, можно погибнуть... В числе ваших

знакомых есть человек с
теплой душой – Спешнев.
Давайте потолкуем. Ум хорошо,
а два лучше, может, вы
отстанете от своего взгляда.
Пригласите Спешнева в
кабинет.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(указывая на дверь)

Хорошо, проходите!

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

ИНТ. СЛЕДСТВЕННАЯ КОМИССИЯ ДЕНЬ

Достоевский спокойно говорит генералу Дубельту.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я дал обещание Петрашевскому
прочитать письмо и уже не мог
отказаться от него.
Петрашевский напомнил мне об
этом обещании уже у себя на
вечере. Впрочем, он не знал и
не мог знать содержания
писем. Я прочел, стараясь не
выказывать пристрастия ни к
Белинскому, ни к Гоголю. При
чтении слышны были иногда
отрывочные восклицания,
иногда смех, смотря по
впечатлению. Я был занят
чтением и не могу сказать
теперь, чьи были восклицания
и смех. Сознаюсь, что с
чтением письма я поступил
неосторожно...

ДУБЕЛЬТ

В собрании у Петрашевского
Момбелли, говоря об
освобождении крестьян,
утверждал, что идеей каждого
должно быть освобождение этих
угнетенных страдальцев, но
что правительство не может
освободить их – без земель
освободить нельзя. Освободив
же с землями, должно будет
вознаградить помещиков, а на
это средства нет. Освободив
крестьян без земель или не
заплатив за землю помещикам,

правительство должно будет поступить революционным образом. Поэтому выход один — бунт. Было это сказано?

ДОСТОЕВСКИЙ

Весь этот разговор слышал. Слова Момбелли припоминаю. Он говорил с увлечением, но окончательного вывода, того, где сказано, что освободить нужно бунтом, не припоминаю и утверждаю, что разошлись без всякого разрешения этого вопроса. Все кончилось большим спором...

ГАГАРИН

Момбелли предлагал побуждать крестьян к бунту?

ДОСТОЕВСКИЙ

Момбелли признавал возможность внезапного восстания крестьян самих собой, потому что они уже достаточно сознают тяжесть своего положения. Он выражал эту идею как факт, а не как желание свое. Допуская возможность освобождения крестьян, он далек от бунта и от революционного образа действия. Так мне всегда казалось из разговора с Момбелли.

ДУБЕЛЬТ

Понятно, тогда объясните нам такой вопрос... В опровержение сказанного Момбелли, Петрашевский говорил, что при освобождении крестьян должно непременно произойти столкновение сословий, которое может породить военный деспотизм или, что еще хуже, деспотизм духовный. Что подразумевалось под военным деспотизмом и под деспотизмом духовным?

ДОСТОЕВСКИЙ

Помню, что Петрашевский опровергал Момбелли. Ответа

Момбелли ясно не припоминаю, хотя помню, что он пустился в довольно длинное развитие. Может быть, я был развлечен в эту минуту посторонним разговором. Не припоминаю совершенно, как было дело... и не могу ясно отвечать на этот вопрос...

НАБОКОВ

Что говорил Петрашевский о реформах?

ДОСТОЕВСКИЙ

Петрашевский говорил о необходимости реформ: юридической и цензурной прежде крестьянской и даже вычислял преимущества крепостного сословия крестьян перед вольным при нынешнем состоянии судопроизводства. Петрашевский говорил иногда темно и бессвязно, так что его трудно понять.

ДУБЕЛЬТ

На том же собрании Петрашевский, говоря о судопроизводстве, объяснил: «что в нашем запутанном и с предубеждениями судопроизводстве, справедливость не может быть достигнута, и если из тысячи примеров и явится один, где она достигается, то это происходит как-то не нарочно, случайно...» Что Вы на это скажите?

ДОСТОЕВСКИЙ

Это... было...

НАБОКОВ

В этом же собрании Момбелли говорил, что перемена правительства не может произойти вдруг, что прежде нужно утвердить диктатуру. Было это сказано?

ДОСТОЕВСКИЙ

Несмотря на отдаленность времени я старался собрать все мои воспоминания об этом вечере и никак не мог припомнить, чтоб были сказаны такие слова о нашем правительстве... Момбелли принимался говорить во всеуслышание два раза. Первый раз он говорил о насущности крепостного вопроса, о том, что все заняты этим вопросом и что действительно участь крестьян достойна внимания. Во второй же раз, отвечая Петрашевскому, он поддерживал свое мнение о том, что разрешение вопроса о крестьянах важнее требования юридической и цензурной реформ. И оба раза он говорил довольно коротко, первый раз не более десяти минут и во второй раз не более четверти часа. Об этом воспоминания мои точны, и в оба раза начал и кончил только разговором о крестьянах, не вдаваясь в другие темы. В такой краткий срок он не мог бы коснуться ни до чего другого, кроме тем, на которые говорил.

ДУБЕЛЬТ

Что говорил он о перемене правительства и о диктатуре?

ДОСТОЕВСКИЙ

Чтобы завести речь о таком пункте, как перемена правительства, да еще вдаваться в подробности, то, естественно, должен был сказать хоть два слова о том, какую диктатуру. Говоря об этом, он вдруг перескочил бы от своей прежней темы к совершенно другой: кроме того, заговорил бы о таком пункте, о котором и слова не было до его речи. Он бы мог сделать это по какому-нибудь поводу, а повода ему дано не

было. И, наверное, надо бы обо всем этом долго говорить, гораздо более четверти часа... Следовательно, если даже и было сказано что-нибудь подобное, то оно было сказано до того вскользь, мимолетом и с таким незначительным смыслом, что не удивительно, если я не только позабыл об этих словах, но даже пропустил их тогда в минуту самого разговора. Кроме того, и сказаны были, по моему мнению, не эти слова, а только что-нибудь подобное этим словам, например, что такое бывает вообще при перемене какого-либо правительства, а не нашего правительства. Словам Момбелли, если даже они и были сказаны, очевидно, придали преувеличенный смысл. Он не имел физической возможности для разговора на такую важную, новую тему, не говоря уж о неожиданности перескока на эту новую тему... Может быть, он и сказал это, хорошо не упомню, но вскользь и вообще, а вовсе не как желание перемены нашего правительства...

Достоевский умолкает, опустив голову и смахивает рукой пот со лба.

ДУБЕЛЬТ

Кроме указанных Вами разговоров, не было ли говорено еще чего-нибудь особенного в отношении правительства и кто именно говорил?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я не помню более разговоров, чем-либо замечательных, кроме тех, на которые дал объяснения... Я говорю только о тех вечерах, на которых я сам лично присутствовал. Я

знаю по слухам, что говорили Толь, Филиппов, и еще был спор о чиновниках... Потом я был лично на двух вечерах, на которых толковалось о литературе. Потом, когда говорилось о вопросах: крестьянском, цензурном и судебном. В эти два раза я тоже присутствовал — и вот все речи и разговоры, которые я знаю, кроме не политических: так, например, была речь Момбелли о вреде карт и о растлении нравов из-за игр. По его идее, карты, доставляя ложное и обманчивое занятие уму, отвлекают его от истинных потребностей, от образования и полезных занятий...

ДУБЕЛЬТ

(переглядываясь с членами Комиссии)

На сегодня достаточно?

(жандарму)

Уведите арестованного!

Федор Михайлович поднимается устало.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Слава Богу, о кружке Спешнева не спросили. Не знает о нем Антонелли.

Достоевский останавливается возле двери и оборачивается к Комиссии, члены которой тоже поднялись, собирают бумаги со стола.

ДОСТОЕВСКИЙ

Простите, я хотел узнать... Я видел брата, Андрея... там... Он арестован, но он ни разу не бывал у Петрашевского...

ДУБЕЛЬТ

Знаем, Андрей Михайлович арестован был по ошибке, вместо старшего брата... Он уже на свободе.

ДОСТОЕВСКИЙ

А Михаил?

ДУБЕЛЬТ

Он в крепости.

ДОСТОЕВСКИЙ

Но он всего дважды бывал...

ДУБЕЛЬТ

Разберемся.

ДОСТОЕВСКИЙ

У него семья, дети... Они
погибнут без средств...

ДУБЕЛЬТ

Об этом ему надо было думать
перед дверью в квартиру
Петрашевского.

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ДОСТОЕВСКОГО ДЕНЬ

Федор Михайлович медленно бродит из угла в угол,
сжимает, трет зябнувшие руки, хрустит пальцами.
Половицы поскрипывают, вздыхают под его ногами.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Кажется никого не выдал.
Антонелли, должно быть, всё
им написал... А о кружке
Спешнева он не знал, не мог
знать... А Белинский, да
Белинский, что я наплел о
Белинском...

Достоевский садится на кровать и сжимает голову руками.

ИНТ. КОМНАТА ДОСТОЕВСКОГО ДЕНЬ, ВОСПОМИНАНИЕ

В комнате двое. Достоевский и его давний приятель
ГРИГОРОВИЧ, они вместе учатся в инженерном училище.

ГРИГОРОВИЧ

А как твой роман «Бедные
люди» поживает. Дописал?

ДОСТОЕВСКИЙ

Дописал. На прошлой неделе
ещё точку поставил.

ГРИГОРОВИЧ

Давай мне рукопись. Некрасов
хочет к будущему году сборник
издать, я ему покажу.

ДОСТОЕВСКИЙ

Боюсь я эту партию
«Отечественных записок». Там
Белинский. Грозен он. Осмеет
он моих «Бедных людей»...

ГРИГОРОВИЧ

Ты говорил, что писался роман
со страстью, почти со
слезами.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ну да, ну да. Вот я и думаю:
неужто все это, все эти
минуты, которые я пережил с
пером в руке над этой
повестью, — все это ложь,
мираж, неверное чувство?

ГРИГОРОВИЧ

Ну вот, давай рукопись.
Некрасов разберется.

ДОСТОЕВСКИЙ

Погоди! Я сам отнесу ему.

ГРИГОРОВИЧ

Ну смотри... Я предупрежу его.

ИНТ. КОРИДОР КВАРТИРЫ НЕКРАСОВА ВЕЧЕР

НЕКРАСОВ, молодой человек, но на вид строгий,
серьезный, открывает дверь и впускает Достоевского.
Федор Михайлович смущенно сует руку Некрасову. Некрасов
по-прежнему со строгим видом жмет ее.

ДОСТОЕВСКИЙ

(смущенно протягивает
пакет)

Я рукопись принес... роман.
Григорович, должно быть,
говорил вам...

НЕКРАСОВ

(принимает пакет)

Да, предупреждал... Выберу
время, прочитаю... Когда
прочту, предупрежу через
Григоровича...

Достоевский откланивается и уходит.

НАТ. НАБЕРЕЖНАЯ НЕВЫ НОЧЬ

Достоевский тихонько и грустно бредет по набережной.

НЕКРАСОВ

(за кадром)

Выберу время, прочитаю...

ИНТ. КОМНАТА ДОСТОЕВСКОГО НОЧЬ

Достоевский лежит на спине на кровати. Не спит.

НЕКРАСОВ

(за кадром)

Выберу время, прочитаю... Когда прочту, предупрежу через Григоровича...

Достоевский встает, открывает окно, садится на подоконник. Вдруг раздается дверной звонок.

ДОСТОЕВСКИЙ

(недовольно)

Кому ещё не спится?

Снова раздаётся требовательный нетерпеливый звонок. Федор Михайлович нехотя выходит из комнаты в коридор. Открывает дверь.

В коридор врываются восторженные Некрасов с Григоровичем. В руках у Некрасова рукопись. Они бросаются обнимать Достоевского.

НЕКРАСОВ

Ты знаешь, что ты написал!!!

ГРИГОРОВИЧ

Ты - гений!

ДОСТОЕВСКИЙ

Тише! Хозяйку разбудите!

Федор Михайлович подталкивает возбужденных Некрасова с Григоровичем в свою комнату. Указывает им на стулья, усаживает.

ДОСТОЕВСКИЙ

Проходите, проходите, садитесь. Я чай согрею!

ГРИГОРОВИЧ

Погоди ты с чаем! Ты послушай! Захожу я к Некрасову, а он говорит, что ты заходил к нему, рукопись принес. Я говорю, давай прочитаем страниц пять-десять на пробу. С десяти страниц видно будет. Прочитали десять, потом ещё десять и так пока последнюю страницу не перевернули.

НЕКРАСОВ

(вскакивая со стула с рукописью в руке)
Тут что ни слово, то перлы,
(потрясает рукописью)
без всяких подделок! Из самой души!.. Нет, повесть я Вам не отдам. Сегодня же снесу Белинскому... Вы увидите — да ведь человек-то, человек-то какой! Вот Вы познакомитесь, увидите, какая это душа!.. Ну, теперь спите, спите, мы уходим, а завтра к нам!

Некрасов торопливо направляется к двери из комнаты. Григорович — за ним.

ГРИГОРОВИЧ

(на ходу)
Завтра всё обсудим.

ДОСТОЕВСКИЙ

(растерянно)
А как же... Может, не надо Белинскому...

НЕКРАСОВ

Завтра, завтра. Спите! Это душа человек!

Достоевский закрывает за ними дверь. Возвращается в комнату, останавливается на миг возле стола, потом садится на кровать, но тут же вскакивает и начинает нервно ходить по комнате.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)
У иного успех, ну хвалят, встречают, поздравляют, а ведь эти прибежали со слезами

в четыре часа, разбудить,
потому что это выше сна...
Ах, хорошо! Какой тут сон!

ИНТ. КАБИНЕТ БЕЛИНСКОГО УТРО

Некрасов врывается в кабинет с рукописью в руке. ВИССАРИОН ГРИГОРЬЕВИЧ БЕЛИНСКИЙ с удивлением смотрит на него.

НЕКРАСОВ
(бросая рукопись на стол)
Новый Гоголь явился!

БЕЛИНСКИЙ
(морщась, берет
рукопись, смотрит на
имя автора)
У вас Гоголи, как грибы
растут...

Белинский небрежно бросает рукопись назад на стол.

НЕКРАСОВ
Да вы взгляните!

БЕЛИНСКИЙ
Ну да, так я и взялся, будто
мне делать нечего.

НЕКРАСОВ
(растерянно)
Взгляните, не оторветесь... Я
вечером зайду к Вам...

БЕЛИНСКИЙ
(насмешливо)
Да, да, я сейчас все брошу и
за роман. Вы по себе судите.
А я уж не ваших лет. Для меня
теперь нет книги, от которой
я не мог бы оторваться для
чего угодно — хоть для игры в
карты.

ИНТ. КОМНАТА ДОСТОЕВСКОГО ДЕНЬ

Достоевский сидит за столом, пишет в тетрадь. Входит Григорович. Он спокоен, вял.

ДОСТОЕВСКИЙ
(оборачиваясь)
Видал Некрасова?

ГРИГОРОВИЧ

Видал... От отнес роман
Белинскому...

ДОСТОЕВСКИЙ

(нетерпеливо)

И что он?

ГРИГОРОВИЧ

Сказал, что посмотрит... Когда
время будет. Он занят сейчас...
Статью пишет...

ДОСТОЕВСКИЙ

Ну вот... Я говорил, что не
надо носить ему...

ГРИГОРОВИЧ

Прочитает, небось...

ДОСТОЕВСКИЙ

Да, прочитает... и заругает
потом... Высмеет на всю Россию.

ИНТ. КАБИНЕТ БЕЛИНСКОГО ВЕЧЕР

Входит Некрасов. Белинский вскакивает из-за стола ему
навстречу.

БЕЛИНСКИЙ

Где Вы пропадали? Где
Достоевский?! Приведите,
приведите его скорей!

НЕКРАСОВ

(с радостной улыбкой)

Прочитали? Я вам говорил!

БЕЛИНСКИЙ

Да что Вы говорили!.. Это
вещица...

(трясет он рукописью)

стоит всей русской
литературы. Достоевский будет
великим писателем. Приведи
его ко мне, сегодня же
приведи!.. Он что, молодой
человек?

НЕКРАСОВ

Лет двадцать пять.

БЕЛИНСКИЙ

(с восторгом)

Слава богу! Этот вопрос меня очень занимал. Я просто измучился, дожидаясь Вас... Он гениальный человек!.. Главное, что поражает в нем, это удивительное мастерство живым ставить лицо перед глазами читателя, очеркнув его только двумя-тремя словами, но такими, что если бы иной писатель написал десять страниц, то и тогда у него лучше не получилось. А какое глубокое, теплое сочувствие к нищете, к страданию! Скажите, он, должно быть, бедный человек — и сам много страдал?

ИНТ. КОМНАТА ДОСТОЕВСКОГО ВЕЧЕР

Некрасов с Григоровичем сидят на стульях возле стола. Достоевский стоит, нервно трет свои руки, слушает Некрасова.

ДОСТОЕВСКИЙ

Виссарион Григорьевич сказал, он просто гениальный человек! Это обо мне?

НЕКРАСОВ

Так и сказал!

ДОСТОЕВСКИЙ

Удивительное мастерство живым ставить лицо перед глазами читателя?

НЕКРАСОВ

Да-да, так и сказал, говорил, если бы автор был старый человек, то ничего бы из него не вышло, а так он просто гениальный человек, он, то есть ты, перевернет всю русскую литературу.

ДОСТОЕВСКИЙ

(медленно, со страхом)

Перевернет всю русскую литературу...

Федор Михайлович опускается на табуретку, задумывается.

ГРИГОРОВИЧ

(нетерпеливо)

Собирайся... Не медли!
Белинский ждет.

Достоевский продолжает молча сидеть, задумавшись.

НЕКРАСОВ

(поднимаясь со стула)

Ну что ты мешкаешь?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я не пойду к Белинскому...

НЕКРАСОВ

(удивленно)

Почему?

ДОСТОЕВСКИЙ

Да так... право... Не лучше ли будет не пойти?

НЕКРАСОВ

Да что с вами?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я так думаю... Ведь вы говорите, он спрашивал обо мне, о моем лице даже... что, если... я боюсь, если...

(решительно)

Нет, лучше не идти!

НЕКРАСОВ

(растерянно)

Почему? Он же так расхвалил Вашу вещь.

ДОСТОЕВСКИЙ

И прекрасно, и прекрасно... что же ему еще? Прочел роман, сделал свое заключение о нем, ну и пусть пишет, пусть хоть книгу пишет...

НЕКРАСОВ

Так не пойдете?

ДОСТОЕВСКИЙ

Нет... разве в другой раз когда... после... будет еще время...

НЕКРАСОВ

(с досадой)

Ну, как хотите! Прощайте!

Некрасов быстро идет к двери. Недоумевающий Григорович следом.

ДОСТОЕВСКИЙ

Погодите! Я подумал... ловко ли будет: он, может быть, ждет... все равно, ведь беды большой нет, если сходить, ведь нет?

ИНТ. КАБИНЕТ БЕЛИНСКОГО ВЕЧЕР

В кабинете сидят Белинский, Достоевский, Некрасов и Григорович.

БЕЛИНСКИЙ

(страстно)

Да Вы, понимаете ли, сами-то, что Вы такое написали? Вы только непосредственным чутьем, как художник, это могли написать, но осмыслили ли Вы всю эту страшную правду, на которую Вы нам указали? Не может быть, чтоб Вы в Ваши двадцать лет уже это понимали. Да ведь это Ваш несчастный чиновник — ведь он до того заслужился и до того довел себя уже сам, что даже и несчастным-то себя не смеет почесть от приниженности и почти за вольнодумство считает малейшую жалобу, даже право на несчастье за собой не смеет признать, и, когда добрый человек, его генерал, дает ему эти сто рублей — он раздроблен, уничтожен от изумления, что такого, как он, мог пожалуй «их превосходительство», не его превосходительство, а «их превосходительство», как он у Вас выражается!

НЕКРАСОВ

А каковы детали!

БЕЛИНСКИЙ

Да-да, эта оторвавшаяся
пуговица, а эта минута
целования генеральской ручки,
— да ведь тут уже не
сожаление к этому
несчастному, а ужас, ужас! В
этой благодарности-то его
ужас!

НЕКРАСОВ

Трагедия!

БЕЛИНСКИЙ

Да, это трагедия! Вы до самой
сути дела дотронулись, самое
главное разом указали. Мы,
публицисты и критики, только
рассуждаем, мы словно
стараемся разъяснить это, а
Вы, художник, одной чертой,
разом в образе выставляете
самую суть, чтоб ощупать
можно было рукой, чтоб самому
не рассуждающему читателю
стало вдруг все понятно! Вот
тайна художественности, вот,
правда, в искусстве! Вот
служение художника истине!
Вам правда открыта и
возвещена, как художнику,
досталась, как дар, цените же
Ваш дар и оставайтесь верным
и будете великим писателем!

ДОСТОЕВСКИЙ

(робко)

Вы, должно быть,
преувеличиваете значение
моего романа...

БЕЛИНСКИЙ

(воскликает)

Ни на грош! Вот увидите, я
буду писать, я докажу всем
великое художественное
значение «Бедных людей». Это
такой роман, о котором можно
написать книгу, вдвое толще
его самого!

ДОСТОЕВСКИЙ

Что можно написать? Я бы не
нашел, чем наполнить и

короткую рецензию. Похвала
коротка, а если ее растянуть,
выйдет однообразно...

БЕЛИНСКИЙ

(смеется)

Это говорит, что Вы не
критик... Разбирать подобное
произведение – значит
высказать его сущность,
значение, причем легко можно
обойтись и без похвалы: дело
слишком ясно и громко говорит
само за себя, но сущность и
значение «Бедных людей» так
глубоки и многозначительны,
что в рецензии нельзя только
намекнуть на них... На днях я
соберу у себя кое-кого из
своих приятелей, и мы введем
Вас в литературный круг. Люди
все очень хорошие, мы прочтем
«Бедных людей»...

НАТ. НАБЕРЕЖНАЯ НОЧЬ

Достоевский один бредет по набережной, опустив голову.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Неужели я вправду так велик!
О, я буду достойным этих
похвал... И какие люди, вот
где люди! Я заслужу,
постараюсь стать таким же
прекрасным, как они... О, как
я легкомысленен, и если б
Белинский только узнал, какие
во мне есть дрянные,
постыдные вещи! А все
говорят, что эти литераторы
горды, самолюбивы. Впрочем,
этих людей только и есть в
России, они одни, но у них
одних истина, а истина,
добро, правда всегда
побеждают и торжествуют над
пороком и злом, и мы
победим: о, к ним, с ними!

ИНТ. ЗАЛ В КВАРТИРЕ ПАНАЕВЫХ ВЕЧЕР, ВОСПОМИНАНИЕ

В просторном зале сидят Белинский, Некрасов, Достоевский,
Григорович, ТУРГЕНЕВ, ПАНАЕВ, ДРУЖИНИН. Все они

внимательно слушают, как читает главу из романа хозяйка дома АВДОТЬЯ ЯКОВЛЕВНА ПАНАЕВА.

ПАНАЕВА

(читает)

Мы улеглись, но долго еще шептались, передавая друг другу подробности нашего торжества. Гувернантка тоже не спала, долго кашляла и вертелась, от сильных ощущений бала или от последствий несчастного падения - не знаю; а может быть, и наши переселенцы способствовали ее бессоннице. Мы же в первый раз в жизни заснули, безотчетно чувствуя в себе какую-то гордость и силу...

НЕКРАСОВ

Поздравляю, Авдотья Яковлевна. Ты заставила меня прослезиться. В этой главе чувства больше, чем в первых.

БЕЛИНСКИЙ

Не только чувства, Николай Алексеевич. Все мы знаем, что Авдотья Яковлевна щедро одарена воображением, остроумием и способностью владеть языком. И в этой главе мы видим ее ум, наблюдательность и гладкий язык. В романе есть и душа, и чувство. Мне любопытно, какое впечатление от прочитанного осталось у Федора Михайловича.

ДОСТОЕВСКИЙ

Мне трудно судить по одной главе о целом произведении. Я буду с нетерпением ждать окончания романа, публикацию его. И тогда смогу высказать свое мнение ясно и определенно.

НАТ. НАБЕРЕЖНАЯ НОЧЬ

Достоевский с Григоровичем неторопливо бредут по набережной и обсуждают литературный вечер у Панаевой.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я определено влюбился в Авдотью Яковлевну. Как она прекрасна! И как умна, и вдобавок любезна и пряма донельзя!

ГРИГОРОВИЧ

(со смешком)

Ты смотри не скажи это при Некрасове!

ДОСТОЕВСКИЙ

Почему так?

ГРИГОРОВИЧ

Заревнует...

ДОСТОЕВСКИЙ

А что ж муж, Панаев? Не догадывается?

ГРИГОРОВИЧ

Видит он всё! Знает...

ДОСТОЕВСКИЙ

А роман ее мне не понравился... Не понравился и Тургенев. Какие-то они с Некрасовым насмешники. Всё вышучивают друг друга и хохочут.

ГРИГОРОВИЧ

Тургенев посчитал тебя высокомерным, гордым, и самовлюбленным. Я слышал, как он это говорил Панаевой.

ДОСТОЕВСКИЙ

А она что?

ГРИГОРОВИЧ

Она сказала, что ты угрюм и молчалив не из-за высокомерия и самовлюбленности, а от застенчивости. Не освоился ещё среди них.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я не ошибся. Авдотья Яковлевна очень умна и проницательна...

ГРИГОРОВИЧ

А Белинский говорит всем, что Достоевский начал новую эпоху в русской литературе, такого воспроизведения действительности еще не было.

ИНТ. ЗАЛ В КВАРТИРЕ ПАНАЕВЫХ ВЕЧЕР

На очередном вечере у Панаевых присутствуют Белинский, Некрасов, Григорович, Тургенев, Панаев, Панаева, Дружинин. Достоевский заканчивает читать главу из повести «Хозяйка».

ДОСТОЕВСКИЙ

(читает)

Старик обхватил ее могучими руками и почти сдавил на груди своей. Но когда она спрятала у сердца его свою голову, таким обнаженным, бесстыдным смехом засмеялась каждая черточка на лице старика, что ужасом обдало весь состав Ордынова. Обман, расчет, холодное, ревнивое тиранство и ужас над бедным, разорванным сердцем – вот что понял он в этом бесстыдно не таившемся более смехе...

БЕЛИНСКИЙ

Я в который раз убеждаюсь, что только Достоевский один может доискаться до таких изумительных психологических тонкостей. Таких тонкостей в русской литературе ещё не было.

НЕКРАСОВ

Я не восторге от этой повести. К повести «Господин Прохарчин» у меня много претензий, а «Хозяйка» вообще неудача: отдельные места хороши, а в целом ниже «Бедных людей». Наш «Петербургский сборник», который мы готовим в

типографию, держится на романе «Бедные люди». И я уверен, что «Бедные люди» непременно обеспечат альманаху успех. Но ни «Господина Прохарчина», ни «Хозяйку» я не рискнул бы поставить в сборник.

ТУРГЕНЕВ

Да и роман «Бедные люди», по моему, многословен, растянут. Я бы его значительно сократил, выжал бы из него воду.

(поворачивается к Панаеву)

Кстати о воде, Иван Иванович, не пора ли чайку подать?

НЕКРАСОВ

(подхватывает)

Да и картишки раскинуть неплохо бы!

Все сразу начинают шевелиться, подниматься из кресел.

Достоевский подходит к Некрасову, который направляется к Тургеневу, стоявшему посреди зала.

ДОСТОЕВСКИЙ

Николай Алексеевич, раз вы так мой роман цените, не могли бы вы его в конец книги поставить?

НЕКРАСОВ

(со смешком)

Может еще каймой каждую страницу обвести.

К ним подходит Тургенев и с добродушной улыбкой хлопает Достоевского легонько по плечу.

ТУРГЕНЕВ

Федор Михайлович, будьте попроще, а то мне с вами рядом боязно стоять. Мелким червяком себя чувствуешь от вашего высокомерия... Будьте уверены, знаем мы о вашей гениальности. Когда «Прохарчина» Вашего Некрасов будет печатать, я сам

заставлю его каждую страницу
каймай обвести, только будьте
попроще...

ИНТ. КОНДИТЕРСКАЯ ДЕНЬ

Достоевский с Григоровичем сидят за столом, читают газеты.

ДОСТОЕВСКИЙ

(опуская газету)

Что сказал обо мне Белинский
за игрой в карты, когда
Некрасов захохотал?

ГРИГОРОВИЧ

Некрасов не над тобой
смеялся.

ДОСТОЕВСКИЙ

И всё же...

ГРИГОРОВИЧ

Чепуха это! Ты в тот момент
как-то слишком раздражительно
спорил, и Белинский спросил у
Тургенева: что это с
Достоевским? Говорит какую-то
бессмыслицу, да еще с таким
жаром!.. Тургенев ему на это
сказал, что ты вообразил себя
гением, Некрасов поддакнул.

ДОСТОЕВСКИЙ

А что же Виссарион
Григорьевич! Согласен с ними?

ГРИГОРОВИЧ

Нет... Грустно так пожал
плечами и вздохнул, говоря:
что за несчастье, ведь
несомненный у Достоевского
талант, а если он, вместо
того, чтобы разрабатывать
его, вообразит себя гением,
то ведь не пойдет вперед...
Между прочим, Белинский
Анненскому письмо о тебе
написал. Анненский читал нам
с Некрасовым его слова...

ДОСТОЕВСКИЙ

И что же он пишет?

ГРИГОРОВИЧ

Пишет, что Достоевский
написал повесть «Хозяйка», —
ерунда страшная! В ней он
хотел помирить Марлинского с
Гофманом, подбавивши немного
Гоголя. Мол, Достоевский еще
написал кое-что после того,
но каждое его новое
произведение новое падение...
В столице отзываются
враждебно даже о «Бедных
людях»: я трепещу при мысли
перечитать их. Надулись же
мы, друг мой, с Достоевским —
гением!

ДОСТОЕВСКИЙ

(с недоверием)

Прямо так и написал?

ГРИГОРОВИЧ

Дословно цитирую... А эти
насмешники — Тургенев с
Некрасовым — написали
юмористические стишки вроде
послания к тебе Белинского,
читали их у Панаевых.
Раздавали всем.

ДОСТОЕВСКИЙ

И у тебя есть?

ГРИГОРОВИЧ

Есть!

ДОСТОЕВСКИЙ

Прочитай... раз уж все читали...

Григорович достает из кармана сложенный вчетверо листок,
разворачивает его и взглядывает на Достоевского.

ДОСТОЕВСКИЙ

Читай, читай...

ГРИГОРОВИЧ

(читает)

Витязь горестной фигуры
Достоевский, милый пыщ,
На носу литературы
Рдеешь ты, как новый прыщ,

Хоть ты юный литератор,
Но в восторг уж всех поверг:

Тебя знает император,
Уважает Лейхтенберг...

С высоты такой завидной,
Слух к мольбе моей склоня,
Брось свой взор пепеловидный,
Брось, великий, на меня!

Буду нянчиться с тобою.
Поступлю я, как подлец,
Обведу тебя каймою,
Помещу тебя в конец...

ДОСТОЕВСКИЙ

(бормочет)

Больше ноги моей у Панаевых
не будет...

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЮ

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ПЕТРАШЕВСКОГО ДЕНЬ

Петрашевский подходит к двери своей камеры,
прислушивается, потом начинает стучать в дверь.

НАДЗИРАТЕЛЬ

(за кадром, сердито)

Чего надо!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Позовите коменданта!

НАДЗИРАТЕЛЬ

Сейчас позову смотрителя.

Петрашевский отходит от двери. Посвистывая, прогуливается
по камере.

Звякает засов, открывается дверь и на пороге появляется
высокий худой одноглазый смотритель.

СМОТРИТЕЛЬ

Вы меня звали?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я звал коменданта крепости.

СМОТРИТЕЛЬ

Коменданта не велено звать к
арестованным. Какая у вас
нужда? Если что-то важное, я
доложу коменданту.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Важное? Конечно, важное.
Важнее некуда! Я нахожусь
здесь пятые сутки, а мне до
сих пор не предъявлено
обвинения. По нашим законам,
если арестованному не
предъявлено обвинение на
третьи сутки, то его должно
отпустить на поруки. Почему
меня держат в крепости?
Почему не отпускают домой?

СМОТРИТЕЛЬ

Это мне не ведомо.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Принесите мне книгу
«Уголовное судопроизводство»...

СМОТРИТЕЛЬ

Это мне не велено.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Принесите книгу, и я вам
докажу, что по закону вы
обязаны меня отпустить...

Смотритель, молча, поворачивается к двери и уходит.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(вслед)

Передайте коменданту, что я
требую – либо предъявить мне
обвинение, либо выпустить
отсюда.

Петрашевский неспешно, посвистывая. Идет к окну, смотрит сначала вверх на окно, потом на стену с отлипшей лоскутами краской. Трогает пальцем краску, осторожно тянет на себя лоскут и отрывает его от стены. Задумчиво кладет лоскут на стол и осматривает камеру. Поднимает голову к вентилятору под потолком. Быстро взбирается на стол и начинает гнуть вверх-вниз зуб вентилятора, пока тот не отломился. Спрыгивает со стола на пол и смотрит на дверь. Садится за стол, пододвигает к себе лоскут краски и начинает острым углом вентилятора выцарапывать на нем мелкие буквы. Исписывает полностью лоскут и перечитывает написанное.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Нас оклеветали. Очных ставок
требовать. Письменным
показаниям не верить. Ложных

свидетелей бояться. Не говорить ничего плохого о других. Требовать явки обвинителя.

Прячет лоскут под тюфяк и снова идет к стене, осторожно отрывает от нее лоскут большей площадью, чем первый, садится за стол и быстро царапает на нем указания арестованным. Потом читает.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Не давать влиять на себя или запугивать, быть спокойным. Терпение и мужество. Вмешивать, как можно меньше лиц, тех, кто арестован. Не отвечать на вопросы неопределенные, неясные, вкрадчивые, требовать, чтоб их объяснили. Задавать вопросы следователю. Стараться по возможности стать в положение нападающего, задавать вопросы навстречу. Таким образом выяснить, что он хочет и что он надеется найти.

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

За длинным столом сидят пятеро членов Следственной комиссии: Дубельт, Набоков, Гагарин и ещё двое в военной форме. Сбоку за своим столом – писарь.

Михаил Васильевич Петрашевский сидит напротив них.

ДУБЕЛЬТ

Вы обвиняетесь в организации тайного общества, заседания которого проходили у вас по пятницам. С какой целью было создано ваше общество?

Петрашевский молча отворачивается к окну, никак не реагирует на слова Дубельта.

ДУБЕЛЬТ

Кто входил в ваше тайное общество? Перечислите поименно.

Петрашевский молчит, смотрит в окно.

ДУБЕЛЬТ

(спокойно)

Хорошо. Поставим вопрос по-иному. Кто посещал ваши вечера по пятницам и как часто?

Петрашевский невозмутимо молчит.

ДУБЕЛЬТ

Членами вашего тайного общества показано, что главной целью общества было ниспровержение существующего порядка в государстве, пагубные намеренья относительно самой особы всемилостивейшего государя императора и замещение общественного устройства другим на основании социальных идей. К чему принято было приготовление умов распространением этих идей в России. Показания эти верны?

Петрашевский смотрит в окно.

НАВОКОВ

(раздраженно и резко)

Вы будете отвечать на вопросы?

Петрашевский будто не слышит раздраженного окрика генерала.

ДУБЕЛЬТ

(комиссии)

Господа, я не вижу смысла продолжать допрос. Отложим до следующего раза.

НАТ. ДВОР АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА ДЕНЬ

Петрашевский неспешно гуляет по дорожке двора, внимательно смотрит на солдата.

Солдат с ружьем, скучая, стоит у входа в рavelин.

Петрашевский быстро достает из-под халата два лоскута краски с написанными указаниями и, не останавливаясь, бросает в траву у края дорожки.

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

За столом все пятеро членов Комиссии, писарь за своим столом. Перед ними Федор Михайлович Достоевский.

ДУБЕЛЬТ

Нам стало известно, что помимо кружка Петрашевского существовало тайное общество Спешнева. Расскажите нам о нем.

Достоевский молчит ошарашено, потом поднимает голову.

ДОСТОЕВСКИЙ

(медленно)

Со Спешневым я был знаком лично... Ездил к нему... но на собраниях у него не бывал и не слышал о таковых. В каждый приезд мой я заставлял его одного...

ДУБЕЛЬТ

Общество это собиралось не у Спешнева, а на квартире поэта Дурова. И Вы постоянно посещали собрания.

ДОСТОЕВСКИЙ

На вечерах Дурова я бывал. Но они были чисто литературно-музыкальные... Никаких речей там никто никогда не произносил...

Достоевский смотрит на Дубельта, делая лицо недоуменным, умолкает.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Неужто Майков выдал?

ИНТ. КВАРТИРА МАЙКОВА ВЕЧЕР, ВОСПОМИНАНИЕ

Федор Михайлович Достоевский и Аполлон Николаевич Майков сидят за столом, пьют кофе.

ДОСТОЕВСКИЙ

Я хотел сказать тебе нечто важное... Отнесись к этому самым серьезным образом... Нас никто не подслушает?

Федор Михайлович умолкает и взглядывает на дверь. Майков тоже машинально смотрит на дверь.

МАЙКОВ

Можешь говорить спокойно...

ДОСТОЕВСКИЙ

Мы, несколько человек, решили
составить общество... тайно.
И я хочу, чтобы ты был с
нами...

МАЙКОВ

А что за общество? Кто в него
входит?

ДОСТОЕВСКИЙ

Организатор общества —
Спешнев! Входят в него
разные люди: литераторы,
студент, два гвардейских
офицера, двое ученых... Это
дает нам возможность
распространять революционные
идеи в большом слое общества.
Собираемся мы у поэта Дурова
под видом литературно-
музыкальных вечеров...
Впрочем, мы осторожны, сам
Дуров не подозревает о
существовании тайной
организации...

МАЙКОВ

А чего вы хотите?

ДОСТОЕВСКИЙ

Цель наша — подготовить и
произвести переворот в
России... Мы будем печатать
книги, статьи. У нас уже есть
типографский станок...

Майков испуганно ставит чашечку на блюде.

МАЙКОВ

Станок? О нем же сразу узнают
в полиции. Кто-то ведь его
делал...

ДОСТОЕВСКИЙ

Не узнают... Делали его по
чертежам Филиппова, по

частям, в разных местах... Ну как, вступаешь?

МАЙКОВ

Ну нет, братцы, вы легкомысленно все это затеяли, это верная гибель. Какие мы к черту революционеры. Мы писатели, художники, наше дело...

ДОСТОЕВСКИЙ

(перебивает)

Мы не должны наблюдать со стороны, когда страдает народ, страдает вся Россия! Справедливости нет, правды нет! Правительство утонуло во взяточничестве! В такое время позорно заботиться только о себе, о своем здоровье! Подумай хорошенько...

МАЙКОВ

Нет, нет. И вам не советую... Бросьте! Это верная гибель!

ДОСТОЕВСКИЙ

Ну, хорошо... Надеюсь, о разговоре никто не узнает?

МАЙКОВ

Это я обещаю... Но повторяю, бросьте вы это дело...

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЯ

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

Федор Михайлович Достоевский смотрит на Дубельта.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Нет, Майков не выдаст. Он честный человек!

ДУБЕЛЬТ

Кто еще посещал вечера Дурова и чем там занимались?

ДОСТОЕВСКИЙ

Вечера эти были приятельскими. Мы все хорошо знали друг друга. Читали свои

новые стихи и повести,
слушали игру музыкантов,
говорили об искусстве.
Постоянно бывали на вечерах
литераторы Дуров и Пальм,
студент Филиппов, поручик
Григорьев и Момбелли...
Иногда приезжал Спешнев. Он
интересовался искусством.
Бывал и брат мой Михаил...

ДУБЕЛЬТ

На тех вечерах поручик
Момбелли сделал предложение о
тесном сближении между
посетителями, дабы под
влиянием друг друга тверже
укрепиться в направлении и
успешнее поддерживать свои
идеи в общественном мнении.
Что он имел в виду?

ДОСТОЕВСКИЙ

Это было еще в самом начале
вечеров Дурова, кажется, даже
в первый вечер... Момбелли
действительно начал говорить
что-то подобное, но всех его
слов не упомяну. Но помню, что
он не докончил, потому что
его прервали. Момбелли
засмеялся, не обиделся за
невнимание, и общество
осталось чисто литературно-
музыкальным...

ДУБЕЛЬТ

На тех же вечерах, студент
Филиппов предлагал заняться
разрабатыванием статей о
современном состоянии России
и печатать их в домашней
типографии. Что Вы на это
скажете?

ДОСТОЕВСКИЙ

Филиппов делал такое
предложение... Но Вы говорите
о домашней типографии, а я о
печатании никогда и ничего не
слышал у Дурова... да и
негде. Об этом и помину не
было. Филиппов же предложил
литографию. Это мне

совершенно памятно... Он просто приглашал заняться разработкой статей о России...

НАБОКОВ

Где вы познакомились со студентом Филипповым?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я познакомился с Филипповым прошлым летом на даче, в Парголове. Он еще очень молодой человек, горячий и чрезвычайно неопытный, готов на первое сумасбродство, и одумается только тогда, когда беды наделает. Но в нем много очень хороших качеств, за которые я его полюбил: честность, изящная вежливость, правдивость, неустрашимость и прямоту. Кроме того, я заметил в нем еще одно превосходное качество: он слушается чужих советов, чьи бы они ни были, если только сознает их справедливость, и тотчас же готов сознаться в своей ошибке и раскаяться в ней, если в том убедят его. Но горячий темперамент его и ранняя молодость часто опережают в нем рассудок...

ДУБЕЛЬТ

Вы утверждаете, что Филиппов человек безрассудный?

ДОСТОЕВСКИЙ

Да кроме того, есть в нем еще одно несчастное качество, это — самолюбие, или лучше сказать славолюбие, доходящее в нем до странности. Он иногда ведет себя так, как будто думает, что все в мире подозревают его храбрость, и я думаю, что он решился бы соскочить с Исаакиевского собора, если бы кто-нибудь стал сомневаться, что он не бросится вниз, струсит... Я

говору это по факту. Я боялся холеры в первые дни ее появления. Ничего не могло быть приятнее для Филиппова, как показывать мне каждый день и каждый час, что он ни мало не боится холеры. Единственно для того, чтобы удивить меня, он не остерегался в пище, ел зелень, пил молоко и однажды, когда я, из любопытства, что будет, указал ему на ветку рябиновых ягод, совершенно зеленых, и сказал, что если съесть эти ягоды, то холера придет через пять минут, Филиппов сорвал всю кисть и съел половину, прежде чем я успел остановить его. Эта детская безрассудная страсть достойна сожаления, к несчастью, главная черта характера. Из того же самолюбия он чрезвычайный спорщик, и любит спорить обо всем. Несмотря на то, что он образован и вдобавок специалист по физико-математическим предметам, у него мало серьезных выработанных убеждений...

НАБОКОВ

Вы напрасно поэтизируете преступника. Лучше скажите, как отнеслись к его предложению?

ДОСТОЕВСКИЙ

Предложение его почти все приняли весьма дурно. Мне показалось, что половина присутствующих только оттого тут же не высказались против предложения, что боялись, что другая половина заподозрит их в трусости, и хотели отвергнуть предложение не прямо, а каким-нибудь косвенным образом. Начались толки. Всякий представлял неудобства, многие молчали.

Больше всех говорили Момбелли
и Филиппов...

НАБОКОВ

Момбелли поддержал Филиппова?

ДОСТОЕВСКИЙ

Не помню, поддерживал ли
Момбелли Филиппова. Мало-
помалу приятельский тон
нашего кружка расстроился.
Дуров ходил по комнате,
хандрил. Некоторые уехали
сразу после ужина. Наконец
досада Дурова на Филиппова
излилась в припадке. Он завел
Филиппова в другую комнату,
придрался к какому-то слову и
наговорил дерзостей.

ДУБЕЛЬТ

И что же Филиппов?

ДОСТОЕВСКИЙ

Филиппов вел себя
благоразумно, поняв в чем
дело, и не отвечал
запальчиво... На другой день
брат объявил мне, что он не
будет ходить к Дурову, если
Филиппов не возьмет назад
своего предложения. Это он,
помнится, объявил и
Филиппову. Когда собрались в
другой раз, я попросил, чтоб
меня выслушали, и отговорил
всех. Все как будто ждали
этого, и предложение
Филиппова было откинуто...

ДУБЕЛЬТ

Больше не возвращались к
этому предложению?

ДОСТОЕВСКИЙ

Я был очень занят у себя дома
литературной работой, виделся
с очень немногими из моих
знакомых, да и то мельком, но
слышал, что вечера совсем
прекратились.

НАТ. НАБЕРЕЖНАЯ ДЕНЬ, ВОСПОМИНАНИЕ

Студент Филиппов и Достоевский стоят, облокотившись о парапет набережной.

ДОСТОЕВСКИЙ

Ты ещё не собирал печатный станок?

ФИЛИППОВ

Как только мы подготовим несколько статей, я соберу станок, отпечатаю и сразу разберу на части. Не дай Бог кто-то увидит и донесет... Части его я прячу в разных местах, даже если обыск будет, полицейские не догадаются, что это части типографского станка.

ДОСТОЕВСКИЙ

Кто ещё, кроме нас, знает о станке?

ФИЛИППОВ

Только Спешнев... Но он не выдаст, мы на его деньги делали...

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЮ

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

ДУБЕЛЬТ

Расскажите, когда и как Вы познакомились с Черносветовым?

ДОСТОЕВСКИЙ

(быстро и бодро)

Я встретил его в первый раз у Петрашевского, никогда не видел его прежде и видел его не больше двух раз.

ДУБЕЛЬТ

На собрании у Петрашевского Черносветов говорил, что Восточная Сибирь есть отдельная страна от России и что ей суждено быть отдельною Империей, причем звал всех в Сибирь, говоря: «а знаете

что, господа, поедemте все в Сибирь – славная страна, славные люди»...

ДОСТОЕВСКИЙ

Слова эти припоминаю... но только не помню, чтобы Черносвитов давал им подобный смысл. Он говорил, что восточный край Сибири действительно страна как бы отдельная от России, но сколько я припомню, в смысле климатическом и по особенной оригинальности жителей. Такого же резкого суждения, что Сибирь станет отдельной Империей, я решительно не слышал от Черносвитова и такого смысла в словах его, по моему мнению, не заключалось.

ДУБЕЛЬТ

Вы однажды предупредили Спешнева, что Вам кажется, что Черносвитов просто шпион. Объясните, какие разговоры Черносвитова внушили мысль, что он шпион?

ДОСТОЕВСКИЙ

Не особенное что-нибудь из разговора Черносвитова, но все в его словах внушало мне эту, впрочем, мгновенную мысль... Мне показалось, что в его разговоре есть что-то увертливое. Он как будто себе на уме... Видев Черносвитова после того всего один раз, я даже и позабыл мое замечание.

ДУБЕЛЬТ

(вежливо и вкрадчиво)

Объясните нам, с которых пор и по какому случаю проявилось в Вас либеральное или социальное направление?

ДОСТОЕВСКИЙ

Со всею искренностью говорю, что весь либерализм мой состоял в желании всего

лучшего моему отечеству, в
желании безостановочного
движения его к
усовершенствованию. Это
желание началось с тех пор,
как я стал понимать себя, и
росло во мне все более и
более, но никогда не
переходило за черту
невозможного. Я всегда верил
в правительство...

НАБОКОВ

И всё же поддерживал желчь по
отношению к правительству.

ДОСТОЕВСКИЙ

Злобы и желчи во мне никогда
не было. Мною всегда
руководила самая искренняя
любовь к отечеству, которая
подсказывала мне добрый путь
и оберегала от пагубных
заблуждений. Я желал многих
улучшений и перемен. Я
сетовал о многих
злоупотреблениях. Все, чего
хотел я, это чтоб не был
заглушен ничей голос и чтобы
выслушана была, по
возможности, всякая нужда. И
потому я изучал, обдумывал
сам и любил слушать разговор,
в котором бы знающие больше
меня, говорили о возможности
некоторых перемен и
улучшений. Если желать
лучшего есть либерализм,
вольнодумство, то в этом
смысле я, может быть,
вольнодумец.

НАБОКОВ

Значит, вы признаете, что вы
вольнодумец! Это похвально!

ДОСТОЕВСКИЙ

Я вольнодумец в том же
смысле, в котором может быть
назван вольнодумцем каждый
человек, который в глубине
сердца своего чувствует себя
вправе быть гражданином,
чувствует себя вправе желать

добра своему отечеству,
 потому что находит в сердце
 своем и любовь к России, и
 сознание, что никогда ничем
 не повредил ей... В том ли
 проявилось мое вольнодумство,
 что я говорил вслух о таких
 предметах, о которых другие
 считают долгом молчать, не
 потому, чтобы опасались
 сказать что-нибудь против
 правительства, но потому,
 что, по их мнению, предмет
 такой, о котором принято не
 говорить громко. Но зачем же
 мы сами так настроили всех,
 что на громкое откровенное
 слово смотрят как на
 эксцентричность!

НАБОКОВ

Это называется –
 благоразумие!

ДОСТОЕВСКИЙ

Мое мнение, что если бы все
 были откровеннее с
 правительством, то было бы
 гораздо лучше для нас самих.
 Мне всегда было грустно
 видеть, что мы все как будто
 инстинктивно боимся чего-то,
 что излишнее умолчание,
 излишний страх наводят какой-
 то мрачный колорит на нашу
 обыденную жизнь, который
 кажется все в безрадостном
 неприветливом свете, и, что
 всего обиднее, колорит этот
 ложный, весь этот страх
 беспредметен, напрасен, все
 эти опасения – наша выдумка.
 Я всегда был уверен, что
 сознательное убеждение лучше,
 крепче бессознательного,
 неустойчивого, колеблющегося,
 способного пошатнуться от
 первого ветра, который
 подует. А сознания не
 высидишь и не выживешь молча.
 Сами мы бежим от общения,
 дробимся на кружки или
 черствеем в уединении. А кто
 виноват в этом положении? Мы,

мы сами и не более никто, — я
так всегда думал...

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ПЕТРАШЕВСКОГО ДЕНЬ

Михаил Васильевич Петрашевский задумчиво гуляет по камере,
посвистывает.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Да, в меня, только в меня
упираются все главные
обвинения, а все прочие
арестованные только живые
улики и доказательства моего
злоумышления... Да, да, чем
больше клевета на меня,
ложное обвинение, тем хуже
положение других, всех, кто в
заточении. Не отвечать на
клевету, значит, давать
молчанием ей вес и силу...
косвенно служить гибелью
ближнего... Да-да, невольно
служить орудием торжества
того злодея, который на их
страданиях решил основывать
свое благополучие...

Петрашевский быстро подходит к двери и стучит в нее
кулаком.

НАДЗИРАТЕЛЬ

(за кадром)

Чего буяните?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Передайте смотрителю, пусть
принесет бумагу и чернила с
ручкой. Я хочу дать правдивые
показания по всем пунктам!

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ПЕТРАШЕВСКОГО ДЕНЬ

Михаил Васильевич Петрашевский сидит за столом и быстро
пишет.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Вы, господа следователи,
получите от меня отчет о
делах человека искренне
благонамеренного, который
может без страха обратиться

взор на свое прошедшее, ибо знает он, что прошедшее его будет говорить не против него, а за него. Вы услышите от меня мнения, никому никогда не обнаруженные — о предметах важных нашего быта общественного — слово истинного патриота, сделавшего себе девизом ненависть к немцам, а под этим к скрывающим тайную вражду против просвещения и желание сохранить чрез невежество других способ себе делать злоупотребления безнаказанно. Вы услышите речь человека, желающего сделать, быть может, последнее доброе дело, защитить, быть может, самых благороднейших и достойнейших среди миллионов людей, быть может, будущую надежду России, из которых многих, может, не забудет потомство. Вы услышите грозное слово врага всяких злоупотреблений...

Петрашевский задумывается, встает из-за стола и начинает бродить по камере. Потом стремительно возвращается к столу и начинает страстно писать.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Быть может, читая эти строки, припомнится вам, господа следователи, многое давно забытое, встрепенется сердце невольное и пробежит в уме вашем мысль добрая и благая. Вы хотите от меня правды, так умеете ее слушать... Порой вы увидите тысячу жертв, невинно стубленных, тысячи неправд, губящих силу народа русского, и предстанет перед вашими очами горькое прошедшее вашего отечества и нерадостно осветится картина будущих судеб.

Петрашевский снова задумывается, глядя на окно, и вновь перо его заскользило по бумаге.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Но к делу, господа
следователи, обвинение,
лживый донос, в отношении к
нам является двойко — как
личное оскорбление и как
ущерб имущества. Каждый из
нас имеет какую-нибудь
собственность или имел какое-
либо занятие, которое сверх
службы приносило некоторый
доход. Находясь в заключении,
не можем имуществом
распоряжаться, как должно.
Следовательно, несетя
убыток. Занятия кто какие
имел, например, давание
уроков, литературный труд,
тоже прерваны, а даже
некоторые и потеряны. Тот,
кто давал уроки, мог потерять
место, или тот, кто писал
статью к сроку в журнал, тоже
пострадал, статья пропала.
Тот, кто занимался
литературным трудом, лишен
был в течение всего этого
времени возможности писать.
Следовательно понес тоже
ущерб в своем материальном
состоянии. Есть еще вред
нравственный, равный по своим
последствиям с тяжелой личной
обидой или оскорблением...

ИНТ. КОРИДОР АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА ДЕНЬ

По длинному коридору два солдата ведут Михаила Васильевича Петрашевского на допрос.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(за кадром)

Уверенность в совершенной
мною невинности — во мне
неподавима. Осудить меня
можно, но не сделать
виновным. Бог не в силе, а в
правде... И если мне,
невинному, суждено надеть
оковы, дайте же мне самому

надеть их, чтоб ознакомиться
 поскорее с этим будущим
 членом моего организма, с
 этим дорогим ожерельем,
 которое надела на меня любовь
 моя к человечеству. У меня
 нет силы исполинской, к труду
 механическому не привык,
 дозвоьте, прошу Вас, как
 милости, к ним попривыкнуть,
 чтоб, идя по пыльному пути,
 не тяготить своей слабостью
 спутника.

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

Вводят Петрашевского. Солдаты скрываются за дверью.

Петрашевский проходит к тому месту, где он сидел на первом допросе и молча садится перед Комиссией.

ДУБЕЛЬТ

(добродушно)

Вы по-прежнему намерены
 молчать?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я готов отвечать.

ДУБЕЛЬТ

(поднимая над столом
 лоскут краски)

Тогда скажите нам, говорит ли
 Вам что-нибудь это?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Говорит.

ДУБЕЛЬТ

Это вы писали?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я.

ДУБЕЛЬТ

С какой целью?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Хотел предостеречь других
 арестованных в отношении моей
 личности.

ДУБЕЛЬТ

Чем вы писали?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Зубом вентилятора... Отломил и
царапал...

ДУБЕЛЬТ

Итак, вы сознаетесь в том,
что пытались вступить в
сговор с вашими соучастниками
преступления путем переписки
на окраске?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Нет, писанное мной на окраске
комнаты ни в какое
доказательство принято быть
не может. Это было только
выражение моих мыслей, и как
на основании статьи
Уголовного судопроизводства:
«Содержащиеся под стражей до
объяснения приговора акты
совершать могут», — ясно
показывает, что выражать
мысли можно. Но я сознаюсь в
порче казенного имущества во
время моего пребывания под
стражей...

Петрашевский взглядывает на писаря, быстро черкающего
пером по бумаге, и начинает говорить медленно.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

...а именно — отколке
квадратной четверти окраски и
вырватии зуба вентилятора.
За порчу окраски комнаты
следует на мой счет ту стену,
от которой она отбита,
перетереть и перекрасить,
ровно, как и вентилятор
исправить. Чтоб так было
поступлено, того требуют
законы справедливости и
нравственности — так желаю и
я, ибо ничего незаконного,
несправедливого и
безнравственного никогда не
желал.

ДУБЕЛЬТ

Понятно... Расскажите, когда,
где и каким образом Вы
познакомились с
Черносвитовым?

ПЕТРАШЕВСКИЙ
(быстро)
С Черносивитвовым?

Дубельт утвердительно и насмешливо кивает.

ПЕТРАШЕВСКИЙ
(за кадром)
Значит, Черносивитов?

ИНТ. КАБИНЕТ ПЕТРАШЕВСКОГО ВЕЧЕР, ВОСПОМИНАНИЕ

В кабинете двое: Спешнев и Петрашевский.

СПЕШНЕВ
Достоевский утверждает, что
Черносивитов шпион.

ПЕТРАШЕВСКИЙ
И вы так считаете?

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЮ

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

Дубельт насмешливо смотрит на Петрашевского.

ПЕТРАШЕВСКИЙ
Черносивитова привез ко мне в
одну из пятниц Петр Латкин,
купеческий сын...

ДУБЕЛЬТ
Что за человек Черносивитов?
Каким он Вам показался? Не
чувствовали ли Вы в нем
желания бунта?

ПЕТРАШЕВСКИЙ
С полным чистосердечием могу
сказать: Черносивитов желал
возмущения народного и не
скрывал этого.

ДУБЕЛЬТ
Нам известно, что в одну из
пятниц, по уходе гостей,
Черносивитов, оставшись
наедине с Вами и Спешневым,
между прочим, говорил, что не
может быть, что в России нет
тайного общества, доказывая
это пожарами в 1848 году и

происшествиями в низовых губерниях. Так ли это?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Подтверждаю... Сказано это было Черносвитовым.

ДУБЕЛЬТ

Когда он Вас со Спешневым пригласил к себе, и Вы отправились к нему, по дороге Спешнев говорил, что он будет выказывать Черносвитову себя главою целой партии. Объясните эти слова Спешнева и расскажите, что происходило у Черносвитова и в чем состояли Ваши разговоры?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Когда мы шли к Черносвитову, я спросил у Спешнева, неизвестно ли что хочет им объявить Черносвитов. Он ответил, что разговор пойдет о серьезном деле, и сказал мне, что для важности он хочет объявить себя главою партии коммунистов, а что я пусть буду чем есть, то есть человеком, желающим мирной реформы и усовершенствования общественного. Целью же своей он полагает бунт крестьян. Я поражен был этим и сказал, что незачем это делать, и был вообще этим рассержен...

ДУБЕЛЬТ

Нам известно, что когда Вы пришли к Черносвитову, то он, усадив Вас на диван и сам сев против Вас, сказал: «Ну вот, господа, теперь дело надо вести начистоту». Тогда Вы отозвались: «Ну да». И Черносвитов изложил план восстания, говоря, что сначала надо, чтоб вспыхнуло возмущение Восточной Сибири. Туда пошлют корпус, но едва он перейдет Урал, как встанет Урал и посланный корпус весь в Сибири останется, что с

четырёхстами тысячами
 заводских можно кинуться на
 низовые губернии на землю
 Донских казаков, что на
 потушение этого потребуются
 все войска, а если к этому
 будет восстание в Петербурге
 и Москве, так все и кончено.
 Был ли такой разговор?

ИНТ. ЗАЛ В КВАРТИРЕ ПЕТРАШЕВСКОГО ВЕЧЕР, ВОСПОМИНАНИЕ

Вечер у Петрашевского после чтения письма Достоевским
 письма Белинского к Гоголю.

ЧЕРНОСВИТОВ

(Петрашевскому, стоя у
 книжного шкафа)

В числе ваших знакомых есть
 человек с теплой душой –
 Спешнев. Давайте потолкуем.
 Ум хорошо, а два лучше,
 может, вы отстанете от своего
 взгляда. Пригласите Спешнева
 в кабинет.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(указывая на дверь)

Хорошо, проходите!

Черносвитов, Петрашевский, а за ними Спешнев
 входят в кабинет. Петрашевский указывает на
 кресла.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Располагайтесь, господа!

Все трое садятся в кресла.

ЧЕРНОСВИТОВ

Господа, теперь дело надо
 вести начистоту! Вскоре я
 возвращаюсь в Сибирь. По моим
 наблюдениям в Петербурге не
 может не быть тайного
 общества. Я в Сибири в этом
 направлении предпринимал кое-
 какие действия, но опыта
 мало, да и действия свои
 хотелось согласовать.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

(кивая)

Ну да...

ЧЕРНОСВИТОВ

У меня есть некоторый план действий. Но прежде мне хотелось узнать Ваш.

СПЕШНЕВ

(быстро)

У нас плана пока нет.

ЧЕРНОСВИТОВ

Я понимаю, господа, что у вас мало оснований доверять мне. Но у меня совсем мало времени. В нашем случае от осторожности дело может только проиграть.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я уже сегодня говорил, каким образом нужно действовать! Нужно готовить общество к переменам, показывать истинное положение. Пропаганда, пропаганда — вот что должно стать основным действием для нас.

СПЕШНЕВ

Я считаю, что есть два пути действия: пропаганда и восстание. У нас будет больше шансов, если возьмем обе дороги. Для этого нужно учредить один центральный комитет, занятие которого будет в создании частных: комитета товарищества, комитета для устройства школ пропаганды, коммунистического комитета, либерального и комитета тайного общества на восстание... Вы правы,

(смотрит на

Черносвитова)

все мы должны объединиться!
Вместе мы сила!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я фурьерист, и уже поэтому знаю пользу всяких ассоциаций.

СПЕШНЕВ

Мы, коммунисты, считаем, что восстание — это единственный путь. Должна начаться революция в России. Без революции государства не может быть.

ЧЕРНОСВИТОВ

А какие и где вы видите способы к восстанию?

СПЕШНЕВ

Многое зависит от случая. На Волыни сейчас неспокойно...

ЧЕРНОСВИТОВ

Восстания надо ожидать не на Волыни. Там войск много. На Пермских заводах четыреста тысяч рабочих и оружие под рукой, а войска разбросаны.

СПЕШНЕВ

Да, если Урал подкопать, черни не удержишь!

ЧЕРНОСВИТОВ

Мой план действий таков. Вначале необходимо организовать возмущение в Восточной Сибири. Там недовольных много. Подавлять возмущение пошлют часть Оренбургского корпуса, а в это время поднимутся рабочие горных заводов Урала, каторжники. Ослабленный Оренбургский корпус слишком растянут, чтобы быстро подавить восстание. Четыреста тысяч заводских двинутся на Волгу и Дон. Вот тогда-то и нужно поднимать Волынь, Польшу, где еще свежи недавние волнения. И следом за этим переворот в Петербурге и Москве...

КОНЕЦ ВОСПОМИНАНИЮ

ИНТ. КАБИНЕТ СЛЕДСТВЕННОЙ КОМИССИИ ДЕНЬ

Генерал Дубельт смотрит на задумавшегося Петрашевского.

ДУБЕЛЬТ

Был ли такой разговор?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Слова Черносвитова подтверждаю... Но прошу учесть, что это были только слова. Никаких действий никто не предпринимал и предпринимать не собирался.

ДУБЕЛЬТ

(улыбаясь, вкрадчиво)

Значит, никто ничего предпринимать не собирался?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Да.

ДУБЕЛЬТ

А этот документ вам ничего не говорит?

Он берет лист со стола и читает вслух.

ДУБЕЛЬТ

(читает)

Я, нижеподписавшийся, добровольно: в здравом размышлении и по собственному желанию поступаю в Русское общество и беру на себя следующие обязанности, которые в точности исполнять буду:

1. Когда Распорядительный комитет общества, сообразив силы общества, обстоятельства и представляющийся случай, решит, что настало время бунта, то я обязываюсь, не щадя себя, принимать полное и открытое участие в восстании и драке, т. е. что по извещению от комитета обязываюсь быть в назначенный день, в назначенный час в назначенном мне месте, обязываюсь явиться туда и там, вооружившись

огнестрельным или холодным оружием, принять участие в драке и как только могу споспешествовать успеху восстания.

2. Я беру на себя обязанность увеличивать силы общества приобретением новых членов. Впрочем, согласно с правилами Русского общества обязываюсь сам лично больше пятерых не афилировать.

3. Афилировать, т. е. присоединить к обществу новых членов, обязываюсь не наобум, а по строгом соображении, и только таких, в которых я твердо уверен, что они меня не выдадут, если б даже и отступились после от меня; что они исполнят первый пункт и что они действительно желают участвовать в этом тайном обществе. В следствии чего и обязываюсь с каждого мною афилированного взять письменное обязательство, состоящее в том, что он переписет от слова до слова сии самые условия и подпишет их. Я же, запечатанное его письменное обязательство передаю своему афильтору для доставления в Комитет, тот — своему и так далее. Для сего я и переписываю для себя один экземпляр сих условий и храню его у себя, как форму для афиляции других.

(заканчивает чтение и
взглядывает на
Петрашевского)

Знаком Вам этот документ?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Нет.

ДУБЕЛЬТ

Знаете, кто его написал?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Догадываюсь...

ДУБЕЛЬТ

Что Вы можете сказать по этому поводу?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Думаю, написан проект недавно. Он даже не закончен... И соотносить этот акт с законами, то это единственное свидетельство об умысле бунта... Наказать за это нельзя, вреда обществу не было. Вот все, что могу сказать...

ДУБЕЛЬТ

А вы утверждали, что никто ничего не замышлял.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

У Спешнева не так давно умерла женщина, которую он страстно любил. И у него с тех пор возникла некоторая досада на жизнь. Думаю, что этот проект Русского тайного общества, есть одна из форм придуманных им для самоубийства...

ДУБЕЛЬТ

(насмешливо)

Допустим, что это так. Нам известно, что в декабре прошлого 1848 года, на собрании у Вас в пятницу, Вы сказали Спешневу: «останься, пожалуйста, попозже. Момбелли хочет переговорить с тобой». Объясните, о чем Момбелли хотел говорить со Спешневым?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Да, я Спешнева остановил, чтоб познакомить его с Момбелли. О желании Момбелли я в то время не знал.

ДУБЕЛЬТ

Когда Спешнев и Момбелли остались у вас и вы пригласили их в свой кабинет, то Момбелли предварив, что чем бы не кончился разговор,

но чтобы он остался между вами, сказал: что людей вообще развитых, просвещенных и с передовыми понятиями в России очень мало и те большею частью не имеют никакого веса и авторитета в обществе, так что им и хода никакого не дают, и потому предлагал устроить из тех просвещенных людей общество, не тайное, а вроде товарищества, в котором бы каждый поддерживал друг друга. Был этот разговор?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Да.

ДУБЕЛЬТ

Сделав предложение об учреждении товарищества, Момбелли спрашивал у Вас и у Спешнева мнения по этому поводу. Спешнев отозвался, что не имеет сказать на этот счет положительного мнения, а Вы сказали, что Вы фурьерист и знаете пользу всякой ассоциации...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Про слова Спешнева ничего сказать не могу, а свои признаю.

ДУБЕЛЬТ

Потом Вы договорились собраться у Спешнева для обсуждения этого предмета и привести с собой по одному человеку. Спустя два дня Вы были у Спешнева, где собирались все лица, избранные в состав товарищества, рассуждали о выгодах солидарности, о способах устройства общества и о составе комитета из людей с идеями, которые могли бы двинуть общество вперед на других началах. Кто предназначался в состав помянутого комитета и какие

предлагались способы к
устройству общества?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

В комитет мы хотели войти
сами, но не составили его, и
товарищество не состоялось.

ДУБЕЛЬТ

Но Спешнев на том же собрании
предлагал составление
политического общества, чтобы
воспользоваться переворотом,
который, по его мнению,
должен был сам собой
произойти в России через
несколько десятков лет, как
это случилось в западных
государствах. Так ли это
было?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я помню, что Спешнев говорил,
что переворот может случаться
через несколько лет...
предлагал ли он политическое
общество составить — не
помню...

ДУБЕЛЬТ

(усмехаясь)

Значит, не помните? А нам
известно, что тогда же
Спешнев читал составленный им
план тайного общества,
содержание которого
заключалось в том, что есть
три неправительственных пути
действия: иезуитский,
пропагандный и восстание.
Каждый из них неверен, и
оттого больше шансов, если
взять все три дороги, а для
этого надо учредить один
центральный комитет, задачи
которого будут в создании
частных: комитета
товарищества, комитета для
устройства школ пропаганды
фурьеристской,
коммунистической и
либеральной, и наконец,
комитета тайного общества на
восстание. Какие были приняты

меры к приведению этого плана
в исполнение?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Слова Спешнева подтверждаю,
но мер не было принято.

ДУБЕЛЬТ

Самые приближенные к вам люди
показывают, что вы в
разговорах своих называли
государя императора
богдыханом. Было дело?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Было... Называл...

ДУБЕЛЬТ

В бумагах ваших найдено
черновое письмо к
неизвестному в виде описания
путешествия, которое
начинается так...

(берет лист со стола и
читает)

С тех пор, как я оставил наше
смердное отечество, где нет
возможности, не говорю
думать, а кажется, дышать
свободно!

(опускает лист)

Объясните, когда и кому
писано это письмо?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Не припоминаю.

ДУБЕЛЬТ

Антонелли показывает, что при
разговорах ваших с ним, он
узнал, что вы, желая вести
пропаганду, старались своих
приверженцев поместить
учителями в разные учебные
заведения и с этой целью сами
держали в университете
пробную лекцию и были
одобрены, но профессор
Ивановский донес, что вы
желаете вступить учителем,
чтобы распространять между
студентами идеи социализма, и
вам учтиво отказали. Так ли
это?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Показания Антонелли подтверждаю. От желания пропаганды не отрицаюсь...

ДУБЕЛЬТ

У меня пока вопросов больше нет.

(Комиссии)

Есть еще вопросы к обвиняемому?

ГАГАРИН

(Петрашевскому)

Вы обвиняетесь в распространении фурьеристского толка. И сейчас подтвердили это. Объясните нам чего вы хотели добиться?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Против обвинения в распространении фурьеристского толка скажу, что толка никакого не знаю, знаю только единственно систему Фурье, которой многие идеи признаю хорошими. Система Фурье — есть ничто иное, как изложение способов соединения выгод частного хозяйства с выгодами хозяйства в складчину, общинного. Фурье понял, что большая часть страданий людей происходит от неправильности их развития — и что поэтому источника всего худого не следует искать в природе человеческой, но в самом устройстве житейских отношений. Когда будут сделаны эти отношения правильными, будут устранены все вредные явления. Чтоб это сделалось, надо:

1. Чтоб выгоды всех были между собой тесно связаны.
2. Чтоб было довольство материальное — обилие средств удовлетворения потребностей.
3. Чтоб все в людях способности были правильно

развиты, употреблены и направлены.
 Когда Фурье такой разбор сделал, ему уж нетрудно было прийти к мысли о фаланстере, то есть общине, в которой соединялись бы все удобства частного отдельного хозяйства в складчину...

ГАГАРИН

Такое невозможно! Это преступные мысли, преступные деяния...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Не уголовному следствию рассматривать это дело должно, а ученым. Пусть нарядится ученая комиссия из профессоров университета, академий, людей образованных от разных министерств и дозвольте нам составить комитет для защиты нашего убеждения.

НАБОКОВ

Ну да, мы сейчас ученых соберем и будем нянчиться с вами...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Не нянчиться, а государственное дело делать! Прошу Вас, господа следователи, объявить Его Императорскому Величеству, что здесь, в тиши заключения, разбирая обвинение, клевету черную, помысел небывалый, на меня возведенный — убедился еще сильнее прежнего, что первая необходимость земли русской есть справедливость, вот надежный оплот общественного порядка. России нужно введение адвокатов и суда присяжных. В течение моего заключения я эти вопросы обдумал совершенно и придумал способы их введения, без изменения коренных в судопроизводстве, сохраняя

все отношения между
словами в том виде, как до
сих пор существовали, и
недели через четыре могу их
представить совершенно
обработанными...

ГАГАРИН

Это невозможно! И в России
никогда не будет.

НАБОКОВ

(смеясь)

Может, нам доложить Его
Императорскому Величеству,
чтоб он вас в министры
назначил или доверил Законы
писать?

ДУБЕЛЬТ

Довольно на сегодня.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Господа следователи! Прошу
внимания. Я хочу сделать
заявление!

Члены Комиссии переглянулись, и Дубельт кивнул головой.

ДУБЕЛЬТ

Говорите!

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Считаю своим долгом обратить
ваше внимание на моих
товарищей по заключению и
просить вас позволить им
чтение книг, прогулку в саду
два раза. Уединенное
заключение в людях с сильно
развитым воображением и
нервной системой, может
произвести умственное
помешательство. Особенно
пагубное влияние заключение
может иметь на Достоевского,
страдавшего и раньше
нервическими припадками, на
Момбелли, человека склонного
к ипохондрии, и на Ханыкова,
человека с пламенным
воображением и весьма
нервного... Не забудьте,
что большие таланты, а талант

Достоевского не из маленьких
в литературе, есть
собственность общественная,
достояние народное...

ДУБЕЛЬТ

Нам виднее, как поступать с
заключенными...

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Кроме того, господин
Модерский, незаконорожденный
сын князя Четвертинского,
намеревался держать экзамен в
университет, но исполнить это
помешало заключение его в
крепость. Поэтому если б ему
было дозволено в течение года
держать экзамен, он был бы
весьма доволен...

Дубельт поднимает со стола колокольчик и звонит.
Открывается дверь и появляются два солдата.

ДУБЕЛЬТ

Отведите обвиняемого в
каземат...

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ДОСТОЕВСКОГО УТРО

Федор Михайлович Достоевский просыпается. Слышен
отдаленный звон колоколов. Достоевский поднимается с
постели, подходит к окну, взбирается на подоконник,
открывает форточку. Морозный воздух врывается в камеру.
Колокольный звон становится слышнее. С улицы доносится
какое-то движение, понукание лошадей, скрип снега под
полозьями саней.

Достоевский прислушивается, потом спрыгивает с подоконника
и идет к умывальнику.

Умывается.

Утирается полотенцем и прислушивается к суете в коридоре,
откуда доносятся голоса, звяканье засовов, хлопанье
дверьми.

Дверь в камеру открывается, появляются ОФИЦЕР с СОЛДАТОМ.
В руках солдата одежда Достоевского.

ОФИЦЕР

(строго)

Одевайтесь! И чулки наденьте,
холодно!

Солдат бросает одежду на постель.

ДОСТОЕВСКИЙ

А что случилось? Закончено дело?
Освобождают?

ОФИЦЕР

Переодевайтесь, не мешкайте...

Офицер и солдат выходят из камеры.

Достоевский переодевается, натягивает на ноги толстые шерстяные носки. Ноги в толстых носках не лезут в сапоги. Достоевский с трудом их натягивает, стучит сапогом по полу.

Открывается дверь и появляется солдат. Теперь он один.

СОЛДАТ

Готов? Выходите...

НАТ. ДВОР АЛЕКСЕЕВСКОГО РАВЕЛИНА УТРО

У входа в рavelин стоит карета с кучером. Выходят солдат с Федором Михайловичем Достоевским. Солдат открывает дверь кареты и пропускает внутрь Федора Михайловича, потом влезает сам и садится рядом с ним.

Карета трогается, скрипит снег.

Достоевский сидит рядом с солдатом в карете. Окошко затянуто инеем.

ДОСТОЕВСКИЙ

Куда мы едем?

СОЛДАТ

Не могу знать...

Федор Михайлович царапает пальцем иней на стекле окошка, дует на стекло, протаивает кружочек, снова царапает пальцем, увеличивая просвет. Утыкается лицом в окошко и смотрит в протаявшую дырочку на улицу.

Петроградская улица, дома, редкие прохожие. Они все дружно останавливаются и смотрят на кареты, на эскадрон жандармов.

Карета останавливается.

Солдат приоткрывает дверь, выглядывает, потом выпрыгивает в снег.

СОЛДАТ
Приехали, выходите!

НАТ. СЕМЕНОВСКАЯ ПЛОЩАДЬ УТРО

Федор Михайлович Достоевский выбирается из кареты. Шумно вдыхает свежий морозный воздух и оглядывает площадь, по краям которой по всем четырем сторонам выстроились в ряды солдаты с винтовками. В центре площади дощатый помост, рядом с которым врыты в землю три столба. Неподалеку толпятся бородатые люди.

Солдат грубо дергает Достоевского за рукав.

СОЛДАТ
Вон туда ступайте!

Он указывает на толпу бородатых людей. Достоевский узнает обросших бородами Спешнева, Момбелли, лохматого Петрашевского в своей нелепой шляпе и торопится к ним.

ПЕТРАШЕВСКИЙ
(раскидывая руки для объятий)
Федор Михайлович, вы ли это?
Возмужал-то как!

Петрашевский и Достоевский обнимаются. К ним подскакивают другие узники, обнимают Федора Михайловича. Суета. Шум. Радостные возгласы.

На коне подскакивает ГЕНЕРАЛ и кричит сердито.

ГЕНЕРАЛ
Теперь нечего прощаться!
Становите их!

Появляется чиновник со списком и начинает громко выкрикивать фамилии, указывая, где становиться.

ЧИНОВНИК
Петрашевский! Спешнев!
Момбелли! Григорьев! Дуров!
Достоевский!

Узники стоят в ряд. Подходит высокий СВЯЩЕННИК в черном с крестом в руке.

СВЯЩЕННИК
Сейчас вы услышите
справедливое решение вашего
дела. Последуйте за мной!

Он, не оглядываясь, идет вдоль рядов войск по снегу к дощатому помосту, возвышающемуся посреди площади. Узники гуськом скрипят снегом за ним. Следом за узниками также в ряд идут солдаты.

Арестанты идут, переговариваясь.

ФИЛИППОВ

Куда нас ведут? Что сейчас будет?

МОМБЕЛЛИ

Слышал ведь, приговор читать будут.

ФИЛИППОВ

И что нам будет?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

На каторгу... В рудники должно...

ДУРОВ

А эшафот? Зачем эшафот? И столбы?

СПЕШНЕВ

Какие столбы?

ДУРОВ

А вон!

СПЕШНЕВ

Не на каторгу нас, братцы! Расстреляют... Привязывать будут к столбам...

ДОСТОЕВСКИЙ

Не посмеют! Не может быть!

СПЕШНЕВ

Они посмеют. Они все посмеют... Царю не в первый раз...

ДОСТОЕВСКИЙ

Как же так?! Неужели конец?!

Священник поднимается на помост. За ним – арестанты, потом солдаты. Они выстраиваются по одному за каждым петрашевцем.

ГЕНЕРАЛ

(громко)

На кра-а-а-ул!

Солдаты, окружавшие площадь, одновременно стучают прикладами винтовок, встают по стойке смирно.

ГЕНЕРАЛ
(арестантам)
Шапки долой!

Петрашевы стоят, не снимают головных уборов.

ГЕНЕРАЛ
Шапки снять!

ОФИЦЕР
(солдатам)
Снимите с них шапки!

Солдаты, стоявшие позади арестантов, срывают с них головные уборы.

Появляется на помосте чиновник, разворачивает лист бумаги.

ЧИНОВНИК
(читает громко)
Генерал-аудиториат,
рассмотрев приговор Военного
суда по полевому Уголовному
Уложению по делу подсудимого
Буташевича-Петрашевского и
его товарищей, подтверждает
этот приговор и полагает:
всех сил подсудимых, а именно
титularного советника
Буташевича-Петрашевского, не
служащего дворянина Спешнева,
поручиков Момбелли и
Григорьева...

Достоевский прикрывает глаза.

ЧИНОВНИК
...отставного поручика
Достоевского...

Федор Михайлович смотрит на крыши домов, на ясное голубое небо с небольшим облачком.

ЧИНОВНИК
...подвергнуть смертной казни
расстрелянием! И
девятнадцатого сего декабря
Государь Император на
приговоре собственноручно

написать соизволил: «Быть по сему!»

Чиновник опускает лист, и тут же раздаётся барабанная дробь.

На помост снова поднимается чёрный священник. На этот раз с Евангелием и крестом в руках.

СВЯЩЕННИК

Братья! Перед смертью надо
покаяться... Кающемся
спаситель прощает грехи. Я
призываю вас к исповеди!

Священник умолкает в ожидании очереди к нему.

Арестанты молча и угрюмо стоят, ни один не двинулся к нему.

СВЯЩЕННИК

(растерянно и громко)

Кающемся Спаситель прощает
грехи!

Но опять никто не идет к нему. Священник растерянно оглядывает приговоренных к смерти.

Достоевский встречается взглядом со священником, смущенно и виновато отворачивается.

Петрашевский, глядя на священника, насмешливо хмыкает.

Растерянный священник стоит посреди эшафота.

ГЕНЕРАЛ

Батюшка! Вы исполнили все,
вам здесь нечего делать!

Священник неуклюже сходит по ступеням вниз с помоста. Навстречу ему бегом поднимаются солдаты со свертками в руках.

Солдаты обряжают осужденных в длинные белые балахоны с капюшонами. Рукава балахонов болтаются чуть ли не до пола помоста.

Троих – Петрашевского, Григорьева, Момбелли солдаты ведут под руки с помоста к столбам. Привязывают к столбам.

Напротив них выстраивается взвод солдат с ружьями.

ОФИЦЕР

Колпаки надвинуть на глаза!

Солдаты закрывают колпаками лица Петрашевского, Григорьева и Момбелли.

ОФИЦЕР

Взво-од! Целься!

Солдаты разом вскидывают ружья, направляют их на троих приговоренных к смерти, привязанных к столбу.

Достоевский закрывает глаза.

Раздается, как выстрел, громкая барабанная дробь.

Достоевский резко вздрагивает и открывает глаза.

ОФИЦЕР

Взво-од! Отставить! Ружья к ноге!

К эшафоту быстро подкатывает экипаж и останавливается. Из него выходит фельдъегерь и протягивает пакет чиновнику.

Петрашевского, Момбелли и Григорьева отвязывают от столбов и снова ведут на эшафот.

Чиновник перед выстроившимися на эшафоте узниками зачитывает указ Императора о помиловании.

ЧИНОВНИК

(читает)

Государь Император соизволил пересмотреть приговор Военного суда по полевому Уголовному Уложению по делу подсудимого Буташевича-Петрашевского и его товарищей и указал назначить:
 титулярному советнику Буташевичу-Петрашевскому каторгу без срока; поручику Момбелли пятнадцать лет каторги; не служащему дворянину Спешневу 10 лет каторги; отставному коллежскому асессору Дурову четыре года каторги с отдачей потом в рядовые; отставному поручику Черносвитову ссылку в крепость Кексгольм...

Федор Михайлович Достоевский, улыбаясь, смотрит в ясное яркое небо.

ЧИНОВНИК

(читает)

...отставному поручику
Достоевскому четыре года
каторги с отдачей потом в
рядовые...

Петрашевы радостно обнимаются на эшафоте.

К ним на помост поднимаются два палача в старых цветных
кафтанах. За ними два кузнеца: один с кандалами в руках,
другой - с тяжелым молотком.

ОФИЦЕР

Становись!

Солдаты растаскивают обнимающихся узников, становятся их в
прежний ряд.

ОФИЦЕР

Господин Буташевич-
Петрашевский выйти вперед.

Солдат позади Петрашевского подталкивает Михаила
Васильевича вперед.

ОФИЦЕР

На колени!

Михаил Васильевич не обращает внимания на приказ офицера.

Два солдата бросаются к нему и силой ставят Петрашевского
на колени. К ним подходит один палач в цветном кафтане,
обнажает шпагу и ломает ее над головой Петрашевского.

Петрашевский поднимается с колен и к нему тут же подходят
оба кузнеца с кандалами и молотком, становятся около него
на колени, надевают на ноги кандалы и начинают, осторожно,
потихоньку заковывать.

Петрашевский смотрит, морщась, как они заковывают его, и
вдруг выхватывает молоток из рук кузнеца.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Неумехи! Смотрите, как надо
дело делать!

Михаил Васильевич садится на помост и начинает быстро
уверенно бить молотком по заклепкам кандалов.

Скрипя по снегу полозьями, к эшафоту подъезжает кибитка,
запряженная тройкой лошадей. Из нее вылезает жандарм с
тулупом в руке и фельдъегерь.

На Петрашевского напяливают казенный тулуп и шапку.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ

(Петрашевскому)

Пора отправляться. Проходите
в кибитку.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я еще не окончил все дела.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ

(удивленно)

Какие у вас еще дела?

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Я хочу проститься с моими
товарищами.

ФЕЛЬДЪЕГЕРЬ

Ну, это вы можете сделать.

С трудом передвигая ноги в кандалах, Петрашевский идет от одного узника к другому, обнимает и целует их на прощание. Обнимает и Достоевского, у которого на глазах видны были слезы.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Четыре года пройдут быстро.
Чистый лист подождет... Потом
ты снова возьмешь перо в
руку...

Михаил Васильевич, гремя кандалами по ступеням, спускается, подходит к кибитке, где у распахнутой двери его ждет жандарм, останавливается у двери, поворачивается к узникам и поднимает вверх руку.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Прощайте, более мы уже не
увидимся!

Он кланяется всем в последний раз. Выпрямляется и оглядывает себя.

ПЕТРАШЕВСКИЙ

Ей-богу, как они умеют
одевать людей! В таком
костюме делаешься противен
сам себе!

Жандарм подталкивает его к открытой двери кибитки. Петрашевский влезает в нее, за ним фельдъегерь, потом – жандарм. Кучер взмахивает кнутом, и кибитка тонко зазвенев колокольчиком, заскрипела полозьями по площади.

ИНТ. ПЕТРОПАВЛОВСКАЯ КРЕПОСТЬ КАМЕРА ДОСТОЕВСКОГО ДЕНЬ

Федор Михайлович Достоевский сидит за столом и быстро пишет.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Брат, любезный друг мой! Я не уныл и не упал духом. Жизнь везде жизнь, жизнь в нас самих, а не во внешнем. Подле меня будут люди и быть человеком между людьми и остаться им навсегда, в каких бы то ни было несчастьях не уныть и не пасть, – вот в чем жизнь! В чем задача ее. Я сознал это. Эта идея вошла в плоть и кровь мою. Да, правда! Та голова, которая создавала, жила высшею жизнью искусства, которая сознала и свыклась с высшими потребностями духа, та голова уже срезана с плеч моих. Осталась память и образы, созданные и еще не воплощенные мной. Они изъязвят меня, правда! Но во мне осталось сердце и та же плоть и кровь, которая также может и любить, и страдать, и жалеть, и помнить, а это все-таки жизнь.

Федор Михайлович прекращает писать, встает и нервно ходит по камере. Потом вновь садиться за стол и страстно пишет.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Неужели никогда я не возьму пера в руки? Я думаю, через четыре года будет возможность. Я перешлю тебе все, что напишу, если что-нибудь напишу. Боже мой!

Сколько образов, выжитых,
созданных мною вновь,
погибнет, угаснет в моей
голове или отравой в крови
разольется! Да если нельзя
будет писать, я погибну.
Лучше пятнадцать лет
заточения и перо в руках.

НАТ. СТЕПЬ ДЕНЬ

Тройка неторопливо бежит по заснеженной степи. Уныло звенит колокольчик.

Федор Михайлович Достоевский в тулупе и шапке сидит между дремлющими фельдъегерем и жандармом, которые тоже одеты в тулупы.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Как оглянусь на прошлое, да подумаю, сколько даром потрачено времени, сколько его пропало в заблуждениях, в ошибках, в праздности, в неумении жить; как не дорожил я им, сколько раз я грешил против сердца моего и духа, — так кровью обливается сердце мое. Жизнь — дар, жизнь — счастье, каждая минута могла быть веком счастья... Теперь, переменяя жизнь, перерождаюсь в новую форму.

Кибитка бежит по степи, постепенно удаляясь.

ДОСТОЕВСКИЙ

(за кадром)

Брат! Клянусь тебе, что я не потеряю надежду и сохраню дух мой и сердце в чистоте. Я перерожусь к лучшему. Вот вся надежда моя, все утешение мое!

КОНЕЦ